

Владимир Огарь

Берег другого мира

Владимир Огарь

Берег другого мира

<https://litres.ru/73525563>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аннотация к книге «Берег другого мира»

Он всегда любил море и поэтому стал настоящим моряком - моряком до мозга костей: мореходка, служба в ВМФ, затем - капитаном грузового судна, совершающего рейсы по контракту.

Он прошел шторма, боевиков и контрабандистов. Он знал цену риску и умел выживать там, где другие гибли. Но никто не готовил его к такому повороту судьбы: шторм, туман, и - берег, где время остановилось пять тысяч лет назад. Древний Египет. Не на экране и не в учебнике — живой, дышащий, опасный. Дмитрий, пытается понять - почему в этом мире, где всё подчинено строгим ритуалам, он вдруг чувствует себя... дома?

«Берег другого мира» — это роман о встрече цивилизаций, о человечности и поиске своего места в чужом мире.

Для поклонников исторической фантастики, приключений и психологических драм.

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ
ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ**

ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	7
Часть 1. Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	53
Глава 5	66
Глава 6	70
Глава 7	75
Глава 8	78
Часть вторая. Глава 1	81
Глава 2	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Владимир Огарь

Берег другого мира

Предисловие

Несколько слов от автора.

Дорогой читатель!

Эта книга – мой первый литературный опыт. Как у любого новичка, у меня наверняка найдется немало ошибок, неточностей и шероховатостей, которые опытный глаз заметит сразу. Заранее прошу за них прощения – незнание и отсутствие опыта иногда дают о себе знать, как ни старайся. Но поверьте – я очень старался!

Сразу хочу предупредить: этот роман ни в коем случае не претендует на историческую достоверность - это было бы смешно! Это, в первую очередь, художественный вымысел, попытка рассказать историю, которую я сам придумал и которая показалась мне не лишенной некоторого интереса.

Поэтому, если кто-то ищет здесь строгое соответствие фактам – увы, это не сюда. Некоторые детали быта, реалий и даже географии Древнего мира я сознательно упростил или изменил, чтобы сделать повествование более понятным и близким современному читателю. Надеюсь, что любители истории простят мне эти вольности.

Я буду искренне благодарен за любую обратную связь – конструктивную критику, советы, пожелания и замечания. Мне важно знать, что получилось, а что нет, над чем стоит работать дальше. Пишите, не стесняйтесь – любой ваш отклик поможет мне стать лучше. Единственная просьба – давайте обходиться без взаимных оскорблений, унижений, насмешек и прочего – всего того, что сжигает душу и загрязняет карму! Жизнь коротка и не стоит ее тратить на подобную грязь!

И самое главное - я очень надеюсь, что моя первая проба пера не вызовет у вас резкого отторжения, а напротив – подарит несколько часов увлекательного чтения.

Приятного путешествия в этот странный, далекий и такой загадочный Древний Египет!

С уважением и благодарностью,

Автор

Пролог

На море стояла ясная, спокойная погода. Волны, нагоняемые легким бризом, накатывались на узкий песчаный пляж. На расстоянии примерно кабельтова от берега, чуть накренившись, стояло одинокое судно, тип которого определить было довольно затруднительно. Судно, видимо, часто перестраивали и переделывали каждый раз – под новые задачи, поэтому оно утратило свою «классовую принадлежность» и в настоящее время напоминало нечто среднее между самоходной баржей и рыболовецкой шхуной. Краска с бортов судна давно сошла, только на корме можно было прочитать название - «Вояджер». Впрочем, сейчас читать это было абсолютно некому, поскольку, в настоящее время, судно судно стояло неподвижно, крепко схваченное песком и илом. Волны, мягко ударяя в борта судна, через небольшую пробоину, наполняли трюмные помещения корабля. Палубные надстройки и груз, видимо, были смыты за борт во время шторма, который судну недавно пришлось перенести. В капитанской рубке судна, тоже изрядно развороченной, находился человек - он полусидел, полулежал, навалившись на штурвальную колонку и то ли был без сознания, то ли просто спал. Внезапно, соскользнув со штурвальной колонки, человек чуть ударился лицом об один из стоявших тут же железных коробок. Это заставило его проснуться. Постепен-

но, приходя в себя, человек с трудом разлепил глаза, сел, затем, заметив несколько пластиковых бутылок с питьевой водой, разбросанных по палубе, дотянулся и взяв одну из них, сделал несколько больших глотков. Мысли путались: «Голова... раскалывается...где...я, перестрелка... туман... шторм... где же я?». Затем, с трудом передвигая ноги, он вышел на палубу, здесь на него опять накатил приступ головокружения, ноги человека подогнулись, он упал на колени и схватился за леер, после чего, человека стошнило прямо за борт. Приступ прошел, головокружение немного отступило и человек, тяжело дыша, стал вглядываться в горизонт, но не увидел ничего, кроме того же моря слившегося с небом. Тогда человек, тяжело ступая вернулся в рубку, где обессилено улегся на небольшой топчан, закрыл глаза и моментально заснул. В море было совершенно пусто. Человек был абсолютно один.

Часть 1. Глава 1

Часть первая. Последний рейс.

Путь к морю

Меня зовут Дмитрий, а точнее – Дмитрий Васильевич Рубцов, хотя сейчас это уже совершенно не важно. Возраст – 29 лет. Родился в 1986 году в Ленинграде, в простой семье обычного мастера производственного обучения и школьной учительницы истории. Меньше, чем через пять лет, Ленинград в очередной раз поменяет свое имя, а вслед за этим развалится страна, которой этот город принадлежал, поэтому расти и развиваться мне пришлось уже совсем в другой стране.

Из своих детских воспоминаний, мне больше запомнился наш семейный выезд на море. Когда мне исполнилось 3 года, родители решили устроить семейный отдых на морском побережье и мы все все вместе отправились на Балтийское побережье. Тогда я в первый раз увидел море и оно сразу же поразило меня. Каким же огромное оно мне казалось тогда! От первого своего впечатления у меня аж дыхание перехватило! Море казалось мне таким необъятным - как будто вода тянется до самого края земли.

И вода в море - разная! Иногда она нежно-голубая, как небо, а иногда — тёмно-серая, почти чёрная, когда тучи нависают низко. А ещё она переливается всеми цветами: от

светло-изумрудного у берега до глубокого синего вдали.

И волны тоже, как живые - то тихонько шепчут, накатываясь на песок, то вдруг вздымаются и с грохотом разбиваются о берег. Я любил бегать за волной, когда она убегает обратно в море — так весело было ощущать ногами убегающий с волной песок!

Песок на пляже тёплый и мягкий. Если зарыться в него пальцами, можно найти крошечные ракушки — они как маленькие сокровища. А если присмотреться, в воде видны рыбки — они мелькают, как серебряные искорки.

А ещё я тогда полюбил смотреть, как солнце садится в море. Небо становится розовым, оранжевым, золотым, а вода словно загорается огнём. Это самое красивое зрелище на свете! Море казалось мне каким-то волшебным миром, полным тайн и чудес. Я мог часами сидеть на берегу, слушать шум волн и мечтать о далёких странах. Это было моё самое любимое место на земле!

Возможно, что уже тогда я почувствовал, что в будущем буду неразрывно связан с ним.

Детство мое было самым обычным – детский сад, затем школа. Многочисленные попытки родителей приобщить меня к занятиям в различных кружках – музыкальном, танцевальном, шахматно-шашечном, спортивно-акробатическом и т.п. значительного успеха не имели – где-то я прозанимался чуть дольше, где-то – чуть меньше, каких-то весомых результатов не получил нигде. В школе, поначалу, хотя и учил-

ся без троек, однако тоже ничем выдающимся себя не проявил, правда, мама, работавшая в той же школе завучем и по совместительству – учителем истории и обществознания, сумела-таки мне привить некий интерес к гуманитарным наукам – истории, географии, литературе. Впрочем, настоящий интерес к истории мне привил еще один человек – сосед дядя Миша, оказавший влияние на мою дальнейшую жизнь и оставивший мне «на удачу» загадочный подарок – что-то вроде медальона или амулета с изображением древней богини Бастет, с которым я потом не расставался, но о нем я расскажу потом. С точными науками было чуть легче, но в общем, особых проблем с учебой я не испытывал, хотя и победителем всевозможных «олимпиад» тоже не являлся.

Все изменилось когда я перешел в третий класс. Родители, не оставлявшие надежд на мой культурный и образовательный рост, как-то привели меня во Дворец творчества юных, (который они по привычке называли Дворец пионеров), с намерением записать меня в очередную секцию. Было это в самом начале учебного года и запись велась довольно активно. Скорее всего, меня ожидал очередной «кружок по интересам». Но в этот раз все вышло по-другому. Совсем по-другому.

На площадке перед входом в здание Дворца, строились какие-то ребята одетые все как один в морскую форму. Причем это была не какая-то карикатурная форма из тех, в которую любят наряжать малышей на праздник 23 февраля. А самая

настоящая «матросская» форма - синие форменки с воротниками-гюйсами, черные брюки, фуражки и пр. А эти ребята (некоторые были примерно моих лет или чуть старше) построившись, проведя быструю переключку, сделав четкий поворот направо, строевым шагом отправились к другому корпусу, очевидно - на занятия. Такое зрелище настолько меня увлекло и потрясло, что я, даже не заметив, отправился вслед за ними. Когда меня догнал отец, я спросил у него, кто это такие. Так я узнал, что это - воспитанники морского клуба «Юнга», существующего при Дворце творчества юных уже много-много лет, а именно – аж с 1938 года.

С этого момента я обрел мечту, а моя жизнь обрела смысл. Я захотел непременно стать моряком, для чего сейчас же записаться в этот удивительный клуб.

Однако, на пути к мечте, меня подстерегало первое серьезное препятствие – возраст. В «юные моряки» принимали только по достижении десяти лет, а мне только недавно исполнилось девять. «Приходи на будущий год, парень. А пока – подтягивай учебу и занимайся спортом – пригодится!» - так сказал мне руководитель клуба.

С этого дня, моя жизнь переменилась – я стал готовиться стать юнгой. Я начал делать ежедневную зарядку, подтягиваться на турнике, упросил родителей записать меня в бассейн. В школе я стал проявлять повышенное внимание к учебе, чем вызвал небывалую радость у родителей. Из школьной библиотеки я брал все книги, какие мог получить, исключи-

тельно, на «морскую» тематику. Стоит ли говорить, что как только достиг заветного возраста, я уже стоял у ворот ДТЮ, ожидая записи.

Как оказалось – записаться в клуб было несложно, гораздо труднее было учиться, налаживать отношения с новым коллективом. Не всем это удалось – многие уходили, переводились в другие секции, были даже случаи отчислений (правда, редко), но мне было интересно, а затем что называется, втянулся и время полетело незаметно – чем отличается судно от корабля, типы и виды судов, из каких деталей и конструкций они состоят, как управлять и ухаживать за судовыми системами и устройствами, мореходные качества, разбираться в парусной оснастке, нас учили вязать морские узлы, читать сигналы флажного семафора, ходить на шлюпке на веслах и под парусом, уверенно держаться на воде, прокладывать курс по морским картам, ориентироваться по небесным светилам, использовать спасательное и специальное корабельное оборудование, оказывать первую помощь и многое другое, что может пригодиться в жизни. В летние периоды, все полученные знания закреплялись практически, на шлюпочной практике в Загородном центре детско-юношеского творчества «Зеркальный» и на плавательной практике на настоящих учебных парусных судах.

По окончании 9 классов, я, по рекомендации наставников из морского клуба, конечно же сразу поступил в морской колледж, на специальность «судовой моторист-руле-

вой», приблизившись еще на шаг к своей мечте.

Но все хорошее не может продолжаться вечно. Первый серьезную потерю я испытал с гибелью отца – нелепой и нелогичной. Возвращаясь вечером с работы, на отца напала группа хулиганов-переростков. В завязавшейся драке, отец получил сильный удар по голове, от которого он упал и потерял сознание. Как стало известно позже – отец лежал на тротуаре, мимо проходили люди но все они принимали его за пьяного и проходили мимо, не желая связываться и только спустя несколько часов, один из прохожих, заметив красно-бурую пятно, вызвал скорую. Отец скончался в больнице, так и не придя в сознание. Как ни странно, но нападавших хулиганов удалось установить и задержать, а на суде, выяснилось, что эта группа образовалась стихийно – они даже не были толком знакомы между собой и в наш район их занесло случайно – ехали мимо на трамвае, спонтанно решили выйти на первой понравившейся остановке, по пути избили еще кого-то, отобрали деньги у каких-то школьников, разбили витрину в магазине, после чего забежали в наш двор, где и встретили отца. Там все и произошло. Этих ублюдков, конечно же, осудили, но по моему мнению - слишком мягко. Наверно, тогда уже, я подсознательно вывел для себя два правила – нельзя равнодушно проходить мимо неподвижно лежащего человека и еще - со со своими обидчиками нужно разбираться самому, а не перекладывать это на других.

В колледже, где я учился, функционировала секция руко-

пашного боя, куда я начал ходить с первого курса. Не скажу, чтобы я сильно преуспел в этом, но каких-то результатов за три года обучения я определенно достиг – меня даже посылали на какие-то соревнования уровня межссузовского.

Вроде бы все только стало налаживаться, как произошло второе несчастье – у матери неожиданно обнаружили рак, но спохватились слишком поздно – когда заболевание перешло в неоперабельную стадию. Моя мать – последний родной мне человек, буквально «сгорела» за два месяца. Я не люблю об этом вспоминать.

Так, в свои восемнадцать лет, я остался один. Полгода я возвращался к нормальной жизни. От полного отчаяния меня спасло наверно только полное погружение в учебу и в занятия спортом.

Между тем, близилось окончание колледжа и заветные «корочки». Как успешно окончивший колледж (без троек, с преимущественным «отлично»), я мог бы продолжить обучение в профильном ВУЗе, например, в знаменитой «Макаровке», но тут моя жизнь сделала еще один небольшой поворот, выведя меня на дорогу, благодаря которой, я и оказался там, где сейчас нахожусь.

Еще на предпоследнем курсе колледжа нас начали вызывать в военкомат, на предмет постановки на учет и получения приписного свидетельства. Некоторых из нас, при этом, вызывали на особенные беседы. Удостоился такой беседы и я. Некто капитан-лейтенант Ручкин (так он мне представил-

ся), вызвал меня в отдельный кабинет, где долго и очень душевно выпросил у меня практически все о моей жизни, учебе, увлечениях и прочем, а в завершении спросил, что я думаю о поступлении на службу в доблестный военно-морской флот? Против службы в военном флоте я ничего не имел, хотя готовился, в общем, в гражданский. В таком ключе я и ответил Ручкину. На что он, еще немного поагитировал меня «за ВМФ» и отпустил, предложив хорошенько подумать.

Потом, в свете свалившихся на меня несчастий и прочих событий, я совсем забыл о Ручкине, но он обо мне, как оказалось, помнил. Незадолго, до окончания колледжа, он вызвал меня в военкомат на беседу и прямо предложил поступить на службу в ВМФ, на контракт. Контракт предполагал трехлетний срок, но подразумевал службу по моей непосредственной специальности, повышение квалификации и множество разных «плюшек», полагающихся военным служащим.

Не знаю, согласился ли я на это предложение в другое время, но именно в этот период оно мне показалось наиболее приемлемым – очень сильно хотелось сменить обстановку, уехать куда-нибудь, ну да и что скрывать – подспудно хотелось все-таки проверить себя в каких-то настоящих, экстремальных условиях... хотя, может быть это просто стала проявляться черта характера – стремление делать что-то, вопреки всему.

Многие, мои однокурсники не поняли моего выбора и удивленно крутили пальцем у виска – мол, Рубцов точно -

«крышей поехал» - мог бы себе вполне устроить теплое местечко, но мне все это было уже глубоко безразлично.

Так, практически сразу же, по окончании колледжа, я был призван для прохождения военной службы и спустя еще некоторое время оказался зачислен в состав Краснознаменного Тихоокеанского флота, с присвоением воинского звания «матрос», на должность «рулевой».

Перед допуском меня непосредственно к месту службы, как водится, мной была пройдена необходимая военная подготовка в учебной части.

В целом, никаких трудностей у меня служба не вызывала, я легко адаптировался и к военной жизни и в отношениях с коллективом. Все чему учили в «учебке», я так или иначе уже знал, поэтому всегда был на хорошем счету у командиров.

Прослужив, в общей сложности, около семи лет, я постепенно «дорос» до должности помощник командира противодиверсионного катера и понял, что достиг в своей карьере определенного «потолка» и для дальнейшего роста необходимо учиться дальше, поскольку сейчас я уже фактически перерос и свою должность и специальность. Необходимо было принимать какое-то решение с одной стороны - хотелось что-нибудь нового, с другой – стоило серьезно подумать: хочу ли я продолжать военную службу, да еще в тот период, который позже назовут «сердюковщина». Проводя очередной отпуск в Санкт-Петербурге, я стал обдумывать свои дальней-

шие перспективы .

И тут жизнь моя совершила еще один загиб, сведя меня с одним моим старым приятелем – Валеркой, знакомым еще по морскому клубу «Юнга». Часто бывает так, что люди довольно близко дружившие в детстве, затем разъезжаются, теряя друг друга из виду на многие годы, а потом, совершенно неожиданно, сталкиваются где-нибудь, буквально «нос к носу».

С Валерычем, мы столкнулись случайно, на набережной Невы. Отпраздновав, как полагается морякам, встречу, и перейдя к рассказам из своей жизни, я поделился с ним своими размышлениями о будущем. И тут Валерыч сделал мне неожиданное предложение:

– Слушай, а ты бы не хотел поработать за границей, за хорошие бабки?

- Да я в общем не возражаю, только - кем?

– Да практически, тем же, кем ты работаешь сейчас – ты ведь на разных кораблях послужил, технику знаешь, диплом у тебя, опять же, есть, человек ты надежный, ответственный – вон, не пьешь даже толком, работать умеешь. А у меня тут один знакомый появился, как-то хлестался, что наших спецов на работу за границу устраивает, без проблем! Контора его, вроде как, с министерством обороны связана или с вообще с ФСБ, впрочем, один хрен, но главное - все вопросы с документами и выездом решаются на раз. Товарищ он специфичный. конечно, не без этого, всего не говорит, но вроде

люди от него в «загранку» ездят, зарабатывают, не жалуются... Тебе сколько до конца контракта-то осталось? Месяца два? Ну как раз, все успеется! Хочешь позвоню ему, переговорю за тебя? А то ведь сейчас и образованных-то на рынке труда – очередь, в гражданский флот на нормальные рейсы так просто не попадешь, а на загрансуда – так там тоже, вламываешь как проклятый, а гарантий никаких – ни стажа, ни пенсии!

В общем, уговорил он меня, а уже через пару дней, я уже отправился на встречу с тем человеком. Особо никаких результатов я от этой встречи не ждал – мало ли кто чем занимается, но анкету все же заполнил. Никто мне разумеется ничего конкретно не обещал, о возможной работе толком тоже ничего не рассказал, коротко пояснив, что работа связана с перевозкой и сопровождением грузов морем, в районах Африки и Азии, заказчик – иностранный бизнесмен, чья деятельность вполне законная, платит хорошо и вовремя. Однако, прочитав анкету, сказал, что в целом шансы получить работу у меня велики – специалисты моего уровня – редкость. Расспросив подробно меня еще об опыте работы, навыках, дополнительных квалификациях и прочем, заявил, что подготовка меня к отправке может занять до полугода, поэтому, если я решился, то обратной дороги уже не будет. Все серьезные вопросы обговариваются при оформлении документов.

Еще через две недели я дал свое согласие.

Остаток контрактного срока службы пролетел быстро и спустя два месяца с небольшим, уволившись с военной службы и попрощавшись со своим экипажем, я опять сидел в той же конторе. Как выяснилось – эта контора была чем-то средним между агентством по найму персонала и вербовочным пунктом, поскольку набирали здесь весьма специфический контингент и на весьма специфическую работу. Работодатель обеспечивал оформление необходимых документов – паспорта, визы, авиабилеты до места назначения, гарантировал приличную зарплату, медстраховку, премии. Предполагалось заключение контракта, сроком не менее чем на год, с возможностью его продления, если не будет возражений. На том я и согласился.

Еще через пару месяцев я вылетел к месту своей будущей работы.

Глава 2

2. Между ветром и песком

Так я оказался на африканском континенте - месте, с жутко нестабильными политическим режимом, но огромными запасами всевозможных полезных ископаемых и прочих ресурсов, большая часть из которых еще не была даже разведана. Собственно, этим мне и предстояло заниматься. Вернее, разведкой занимались другие специалисты, а на мою долю выпало обеспечение их работы – доставку морем оборудования и людей, перевозка различных грузов, ремонт и обслуживание имеющейся техники и прочие, связанные с этим задачи, решением которых я и занимался, последовательно занимая должности помощника капитана, а затем и капитана.

Моим «официальным» работодателем являлся какой-то олигарх, из местных. Правда, я его так и не увидел – говорили, что он живет постоянно в Европе, спокойно перепродавая информацию о всевозможных «перспективных», с точки зрения наличия полезных месторождений, различным заинтересованным лицам, готовым за эту информацию заплатить. А если «стороны» приходили к определенному «консенсусу» этот товарищ также продавал им и все права связанные с добычей этих самых ископаемых. Все дела «на местах» вел полномочный представитель, с характерным именем – Арапмои, что в переводе означало «Сын войны». Но

несмотря на такое воинственное имя, Арапмои или Ара, как все его называли воевать совсем не любил, прямых конфликтов старался избегать, предпочитая действовать хитростью. Энергичный, умный, изворотливый Ара, «продавливал» интересы своего босса, не забывая при этом также и себя. Свободно владея четырьмя европейскими языками (в том числе русским) и еще десятком местных, имея связи в самых различных кругах местного истеблишмента, а также приличный штат «помощников», Ара ловко добивался выгоды, казалось бы, в самых безнадежных ситуациях, выкручиваясь и умело «переводя стрелки», срамливая оппонентов друг с другом, оставаясь, при этом в хороших отношениях с теми и другими. Но кстати, несмотря на внешнее добродушие и открытость, влезать в дела Ары или становиться ему поперек дороги, желающих не находилось.

Разумеется, такой бизнес имел и особый «местный» колорит – так как земля, на которой находились «перспективные» участки только формально находилась в составе какого-нибудь государства, а практически – контролировалась местными племенами, проживающими на ней. Кстати, вожди (и другие официальные лица, приближенные к ним) этих племен (кто бы что про них не говорил) прекрасно ориентировались во всех хитросплетениях данного бизнеса, так как зачастую имели вполне европейское образование, контрольные пакеты акций в достаточно крупных предприятиях (причем не только в сфере туризма и гостиничных услуг,

но так же и производстве, строительстве и добыче ресурсов), пользовались спутниковой связью и современным транспортом, а главное - они имели политическое влияние на руководство страны, чему очень способствовали многочисленные и неплохо вооруженные отряды бойцов, набранных из числа тех же племен.

Понятно, что между племенами шла борьба, а точнее – война, которая то затухала, то разгоралась, но не прекращалась ни на один день. Племена пробовали друг друга на прочность постоянно. Племя, сумевшее в определенный период, стать сильнее других могло сформировать правительство, приобретая, таким образом, политическую власть в государстве. При этом, всех бывших чиновников из предыдущего правительства, сразу же отстраняли от власти («отодвигали от кормушки»), а иногда и вообще «зачищали» всех возможных конкурентов из других племен. Стоит ли говорить, что подобное положение, усиленное к тому же родоплеменными отношениями, являлось прекрасной почвой для расцвета коррупции, кумовства, местничества и прочими прелестями местного, африканского колорита. По этой причине грузовые транспортные перевозки безопасней было делать морским транспортом.

Границы между местными государствами были понятием достаточно условным, что давало возможность племенам спокойно переходить с места на место, отвоевывая у других права на новые земли и новые ресурсы.

Говорили, что раньше, европейцы еще могли сохранять хотя бы какую-то видимость порядка с помощью значительных военных контингентов, размещенных в этих краях, но постепенно, они пришли к выводу, что их содержание накладно и не дает особых результатов. Поэтому, было принято решение о выводе имеющихся военных европейцев и замене их местными, туземными силами. Ну а те, естественно, быстро все сообразив, принялись делить то, что не смогли освоить европейцы.

Несмотря на то, что европейцев тут осталось сравнительно немного, местные им, по-прежнему, доверяли больше, чем своим, считая европейцев большей частью, хорошими специалистами, грамотными, образованными и главное – надежными и честными людьми, с которыми можно иметь дело.

Поэтому любой «белый» европейский специалист, ценился достаточно высоко, его труд оплачивался выше, чем труд местного специалиста (пусть даже и равной квалификации), а наличие у местного работодателя работника-европейца, резко повышало престиж и авторитет последнего.

Все сказанное, не означает, что любой европеец, попав сюда на работу, чувствовал себя как раю. Местные, дураками отнюдь не были и привлекая европейцев на работу, за хорошие деньги, при этом сохраняли за собой все ключевые руководящие должности, старательно отодвигая европейцев от участия в делах, в которые им влезать было не положено.

При таких обстоятельствах, понятно, что вести какие-либо серьезные дела постороннему лицу, без помощи и поддержки местных, таких как упомянутый выше Ара, было абсолютно невозможно. Поэтому, мой главный работодатель, чьего имени, я выучить так и не успел, возложив на своего помощника функции полномочного представителя при решении различных вопросов (часто весьма щекотливого свойства) мог жить вполне припеваючи.

Кстати, головной офис организации, с которой мне пришлось работать, располагался в центре местной столицы и имел вполне респектабельный вид. Кроме головного офиса, имелось еще около трех десятков представительских офисов в других местах, а также несколько собственных баз, складов и прочих помещений, расположенных, практически по всей территории «черного» континента. Имелись также и собственные «силы безопасности» в виде нескольких охранных структур, правда, больше похожих армейские. По крайней мере, имеющееся в их распоряжении силы и средства, часто значительно превосходили имевшееся на вооружении у бойцов местных «регулярных» армий. Не знаю, были ли у «охранников» собственные танки и самолеты, но вертолеты, бронеавтомобили и катера имелись совершенно точно. Руководство всем «силовым блоком» компании осуществляли серьезные люди из бывших военных, а кроме того, привлекались также специалисты частных военных компаний, выступавшие советниками-консультантами.

Таков был общий расклад сил. Впрочем, до определенно-го времени он меня особо не касался. Да и вообще не интересовал. Поначалу, все складывалось для меня даже очень неплохо – под мое руководство компания выделила судно – что-то среднее между плашкоутом (самоходной баржей) и рыбацкой шхуной и носившее гордое название «Вояджер». Кстати, это судно, поступившее ко мне в управление, собственностью моей компании-нанимателя не являлось, а было арендовано у другой компании-судовладельца. Судно, видимо прожило долгую и трудную жизнь и перенесло несколько переделок – каждый раз под конкретные цели. Точно класс этого судна было уже не определить, поэтому я окрестил его «баржей». Но двигатель на барже был в приличном состоянии, все системы функционировали исправно. Под начало мне было выделено пятеро «местных» матросов, умевших, помимо прочего, сносно изъясняться на английском. В общем, местом своей работы я был, в целом, доволен. Да и сама работа, была хоть и нелегкой, но «понятной» - погрузил груз, доставил в определенную точку, разгрузил. Затем опять – загрузил, доставил, разгрузил. Менялись места погрузки-разгрузки – были вполне «цивилизованные» порты, были и совсем «глухие» места. Иногда, нас сопровождали вооруженные люди, иногда – мы обходились своими силами. За неполные три года работы, я сравнительно неплохо изучил побережье Африки и Азии со стороны Красного и Средиземного морей, узнал пару десятков слов на местных диа-

лектах и научился сносно ориентироваться в местных реалиях. Что именно мы перевозили, меня особо не интересовало, хотя как-то раз я задал соответствующий вопрос (это было в самом начале моей работы здесь) получил ответ – все нормально, перевозим оборудование, необходимое для геолого-разведочных работ и обустройства лагеря. Больше мне ничего не ответили, намекнув, что остальное меня интересовать не должно. Да в общем-то и действительно - не интересовало. «Много будешь знать – не успеешь состариться!» - такая поговорка ходила среди «братков», сумевших каким-то чудом пережить «лихие 90-е» в России. Все вопросы, связанные с лоцманами, таможней, пограничниками и прочими контролирующими инстанциями решались быстро и весело, при посредничестве, специального уполномоченного представителя компании, а также некоего пухлого конверта, торжественно вручаемого каждому «проверяющему». Процедура таможенного контроля происходила следующим образом – к нам на борт поднимался некий таможенный чиновник, где сразу же попадал в заботливые руки представителя компании, который уводил должностное лицо к себе вниз, а через какое-то время, когда таможенный инспектор появлялся на палубе вновь – от него пахло неплохим виски, а в руках у него оказывалась достаточно пухлая папка, видимо - с таможенными документами, правда, сильно напоминающими тот самый, пресловутый «конверт». Больше никаких вопросов, претензий и прочего у таможни к нам

не возникало и мы спокойно шли дальше. С «пассажирами» помельче – вопросы решались еще проще – чаще всего, достаточно было нескольких блоков сигарет и тому подобных мелочей. Казалось, что вся погранично-таможенная система африкано-арабских государств была «заточена» под одну цель – «срубание бабла» всеми возможными способами. Впрочем, нашу компанию, в этих краях знали неплохо, и при контактах старались не наглеть.

Примерно также обстояло дело с теми, кого в цивилизованных странах обычно называли пиратами – за сравнительно небольшие «подарки», пираты готовы были не только пропустить нас, вместе с грузом, но даже обеспечить сопровождение до места назначения. Подарки, вручаемые местной «береговой братве», могли быть самыми разнообразными и состояли, как правило, из числа вещей, в которых они испытывали нужду. Это могли быть одежда, консервы, медикаменты, ГСМ, запчасти для лодочных моторов и сами моторы, дизельные генераторы и прочее. Иногда, правда, пираты запрашивали кое-что запрещенное – типа оружия и боеприпасов, но чаще всего, они все же требовали ГСМ и медикаменты - оружия и боеприпасов у нас на борту не водилось - по крайней мере так мне казалось до определенного времени.

Так все и продолжалось, как говориться «тихо и богобоязненно». Руководство компании не вмешивалось в мою работу, а я не лез в их дела, стараясь держаться от них подальше,

сосредоточившись на исполнении своих непосредственных обязанностей. Компания-работодатель мне попалась солидная, имеющая немалое влияние, люди в ней работали серьезные, ну и платили тоже неплохо, а главное – своевременно. За неполных три года контрактов я постепенно привык ко всему, можно сказать обжился и даже обзавелся кой-каким имуществом – в основном, конечно же, одеждой и необходимым для работы снаряжением, кстати, вполне приличного качества (товары в эти места, в основном попадали усилиями контрабандистов – а с ними у компании были, по-видимому налажены неплохие контакты, поэтому я, как нерядовой специалист, иногда мог приобретать различные полезные вещи). Все свое имущество я возил с собой во все рейсы – благо, что все помещалось в три больших рюкзака-баула. Хранить его на берегу я не рисковал – вещи были неплохие, а для местных иногда даже простая тряпка представляла ценность. Зарплату мне переводили на счет в один из банков, откуда потом, можно было получить все в любой европейской стране и даже в России. За три года, скопилась у меня вполне приличная сумма, причем не только по российским меркам. Планировал я, по возможности, если получится, продлить контракт еще годик, и поднакопив таким образом, денег, вернуться в Россию и уже всерьез заняться и своей личной жизнью и дальнейшим построением карьеры, на пороге славного своего тридцатилетия. Не получилось.

Глава 3

3. Крайний рейс

Задание выпавшее мне в «крайний» рейс – доставить груз в определенное место поначалу не выглядело необычным, рейс планировался продолжительностью около месяца в оба конца, да и разгрузка планировалась в необорудованном месте.

Как обычно, собрав свое «барахлишко», я прибыл в назначенное место, где меня уже ждала моя «сборная команда» из пяти матросов набранных в основном из местных. Да кстати, не сказал я еще об об одном из них, по имени Хасан, который сразу же выделился из остальных моих «матросов» тем, что лучше всех владел английским, неплохо разбирался в морском деле, мог даже управляться с нашей посудиною. За подобные умения я со временем повысил его из простых матросов до своего помощника.

По плану мы должны были действовать по указанию представителя заказчика, который должен будет встретить нас в условленном месте. Груз, как чаще всего и бывало, по документам значился как сельхозоборудование и стройматериалы. Поначалу, ничего сверхъестественного я не замечал – груз, в общем, обычный, маршрут знакомый, как говориться – «ничто не предвещало».

Однако странности начались буквально сразу же, ибо

груз, который мы стали загружать в трюм, не очень-то походил на сельхозинвентарь. Это были контейнеры, железные баки и большие деревянные ящики. И если я когда-нибудь видел армейские ящики для перевозки оружия (а я их видел!) – то готов поклясться, что их загрузили не менее полусотни штук.

После этого, стали грузить уже обычные грузы – пресловутый сельхозинвентарь и стройматериалы, при этом, тщательно маскируя наш «первоначальный» груз.

Как обычно, было много ящиков с «сельхозинвентарем», мешки с цементом, дизельные генераторы, еще какие-то запчасти, инструменты и тому подобное. В результате свободного места на судне практически не осталось.

После погрузки, на борт к нам поднялся представитель компании, в качестве такового на этот раз выступал лично сам господин Арапмои (что тоже выглядело неожиданно и довольно странно!), сопровождаемый примерно десятком охранников, вооруженных до самых зубов. Обычно наши рейсы сопровождала охрана, правда в чуть меньшем количестве, но в целом опять же – ничего подозрительного. Пара человек, сразу же спустилась в трюм, где взяла под охрану размещенный там груз, еще несколько человек заняли в жилое помещение, которое я по привычке называл «кубриком», остальные – расположились на палубе. Арапмои, на правах представителя компании занял единственную каюту, имевшуюся на судне. Я же, как предполагалось, должен был

находиться в рубке, сменяемый периодически своим помощником - Хасаном

Предстоял, в общем, обычный рейс, общей продолжительностью около месяца, считая погрузку-разгрузку, таможенные формальности, стоянки и пр. И вот тут-то и начали происходить весьма странные события.

Почему-то господин Арапмои, никогда прежде не замеченный в тонкостях навигации и прочих морских делах, начал проявлять повышенный интерес к маршруту нашего движения. Но это еще ладно, все ж таки он – полномочный представитель компании, но уже примерно на второй день нашего плавания, я стал замечать некоторые пристальные взгляды в свою сторону с его стороны. Он как будто бы о чем то думал, словно бы решал для себя что-то. Несколько раз я замечал, как Арапмои беседует с одним из своих помощников, периодически поглядывая на меня. И что мне больше всего не понравилось, это то, что в одной из бесед, которая велась на одном из местных наречий (несколько слов из которого было мне знакомо), я отчетливо разобрал свое имя, произнесенное собеседниками несколько раз.

А вскоре последовали и другие, более реальные события. Очень скоро со мной решил-таки поговорить сам Арапмои. Начал он несколько издалека – спросил, как дела, хорошее ли судно, какой переход оно способно выдержать, сколько мне осталось до окончания моего контракта, поинтересовался планами на будущее, спросил о семье, а затем мяг-

ко так, спросил, что что я думаю по поводу того, что ввиду некоторых неожиданных обстоятельств, наш рейс несколько удлинится, как по срокам, так и по пройденным милям. Уже научившись немного разбираться в правилах ведения восточных бесед, я уклончиво ответил, что в целом не против увеличения сроков нашего путешествия, но как быть с руководством компании, а главное – отразиться ли подобные изменения на моих заработках. «С руководством компании, а в данном случае - это я и есть, проблем не будет, что касается оплаты за переработку – думаю, что ты тоже будешь доволен! Чуть позже мы еще вернемся к нашему разговору – обсудим все условия! Подумай хорошо над моим предложением!» С этими словами Арпмои оставил меня. Надо сказать, подумать тут действительно было над чем – за три года, проведенные здесь, я конечно, много чего повидал и еще больше чего слышал от других, поэтому принимать подобные предложения не спешил, хотя ладно, что там – вообще не хотел! Но с другой стороны – куда мне было деваться – мы в море, в районе открытого пиратства, у меня здесь нет не связей, ни поддержки, зато есть полный корабль вооруженных головорезов. До сих пор мне удавалось особо не влезать во всякие мутные истории и я уже начал думать, что влезать в них мне и не придется и вот на тебе – сбегай туда, по пути заверни сюда, компания не против, еще и загадочное «будешь доволен!» Что это означало – черт знает, но вряд ли что-то хорошее! В общем, категорически не понравилось мне тогда ни

само предложение, ни тон, которым оно было высказано.

Но как говорить, неприятностям стоит только начать-ся... Потому что через короткое время в рубку зашел мой помощник - Хасан. Некоторое время он задумчиво смотрел на море, а затем, без всяких предисловий, заявил:

- Тебе не следует принимать предложение Арапмои! – предвидя мой вопрос, он сразу же пояснил: Я слышал, немного, ваш разговор и думаю, что тебе лучше отказаться!

- Вот как! Отказаться? А от чего именно? – спросил я.

- От того предложения, которое сделал тебе Арапмои – упрямо повторил Хасан.

Вот ведь, чертов восточный менталитет – никогда не выскажутся прямо! Так и будут вокруг да около!

- Послушай, Хасан, я не люблю фраз, смысла которых не понимаю – если ты что-то хочешь сказать – говори прямо или отвали, без тебя дел хватает!

- Командир, я не могу тебе всего рассказать сейчас, но если бы ты обратил внимание на то, чем мы загрузились сейчас – ты бы и сам все понял!

Опять чертов «Восток – дело тонкое!» - никакой конкретики.

- А что не так сейчас с нашим грузом?

- Не нужен он тебе!

Я уже набрал воздуха и собрался как следует ответить Хасану соответствующей фразой, но тут прибежал один из сопровождающих нас «гвардейцев» и передал, что меня зовет

Арапмои. Оставив рубку на Хасана, я спустился в каюту, где был представитель компании.

Ара лежал на койке, покуривая кальян. Надо сказать что Арапмои прекрасно расположился в моей бывшей каюте, окружив себя комфортом, к которому, по видимому, привык на суше, из-за чего достаточно спартанская обстановка каюты сильно преобразилась, став похожей на жилище арабского шейха. Так например, в каюте появились различные атрибуты богатой жизни - ковры, спутниковый телефон, дорогой ноутбук, бар с алкоголем и еще много других вещей, призванных подчеркнуть статус их владельца и произвести выгодное впечатление на гостей хозяина каюты.

По сложившейся уже «восточной традиции» Арапмои начал беседу с общих вопросов – о здоровье, настроении, состоянии судна, но затем задал вопрос несколько неожиданный.

- Дмитрий, что ты думаешь о своей команде? Надежные ли они люди и можно ли им доверять? – Арапмои практически не смотрел на меня, его глаза были полузакрыты, но я был просто уверен, что он сейчас внимательно наблюдает за мной. Я выдохнул воздух и произнес:

- Я доверяю своим людям, насколько это только возможно. Все они были со мной несколько рейсов и у меня не было причин жаловаться.

- Это хорошо! Доверие к своим людям – это очень хорошо, но иногда люди ошибочно могут принять за друга, того кто

только им кажется.

- Я не совсем понимаю тебя, Арапмои...

- Это сейчас не важно, – ответил Арапмои – гораздо важнее другое: что ты решил по поводу моего предложения? – глаза Арапмои были по-прежнему, полузакрыты.

- Прежде я хотел бы знать точно – куда предстоит идти и что придется делать, мне бы не хотелось связываться с чем-то вроде наркоторговли и тому подобным!

- Это справедливое желание! Нет, тебе не придется участвовать в чем-либо подобном, Мои...то есть интересы компании лежат в другой плоскости! Мы – обычные коммерсанты и если иногда и отходим чуть в сторону от полностью законной деятельности, то лишь для потому, что работать полностью по закону – попросту невозможно, тем более в нашей стране. Но так работают абсолютно все бизнесмены! Что же касается тебя – тебе предстоит лишь увеличить немного свой маршрут – довести груз до ... до того места, где его примут. И вот еще что – нужно будет отключить АИС – не сейчас, а чуть попозже, я скажу когда, ненадолго. Что же касается оплаты твоей дополнительной работы – она ожидает тебя там же и поверь, это очень хорошая прибавка к твоему заработку!

Вот что тут можно было ответить? – с одной стороны, я приехал сюда за деньгами (больше мне здесь было нечего делать!) и любой дополнительный заработок был бы мне очень не лишним, но с другой – я почему-то не мог отделаться от какого-то неприятного предчувствия, мне, выражаясь словами

капитана Смоллета, из популярного мультфильма: «категорически не нравилась эта экспедиция, эти матросы и что? - да! мне вообще ничего не нравилось!».

Но деваться мне уже все равно было некуда – и я согласился.

Через некоторое время, у меня состоялся уже совсем странный разговор с Хасаном. Все началось с того, что он находясь в рубке произнес, глядя куда-то в сторону:

- Ты все-таки принял предложение Арапмои.
- Думаю, у меня не было выбора – ответил я, также равнодушно.
- Выбор есть всегда, главное – суметь увидеть его!
- Послушай, Хасан, когда тебе предлагают выбор между жизнью и выстрелом в затылок с последующим всплеском за бортом – думаю, что выбора никакого нет! Кроме того - что мы все как в плохом кино – намеками говорим. Я вижу, ты что-то хочешь мне сообщить – так и говори прямо!

Хасан ненадолго задумался, затем решившись, начал:

- Арапмои уже давно играет в свою игру и сейчас он курирует доставку крупной партии оружия, которое он должен передать одной террористической организации. Поэтому мы не пойдем в назначенный пункт, а направимся совсем в другое место. Как только мы причалим к берегу, он даст команду своим людям и они захватят корабль. На берегу его также ждут его люди. У него собралась достаточно большая и сильная команда.

- Ну и что с того? Я доведу судно туда, куда скажут, вмешиваться ни во что я не собираюсь, нужен им корабль – пусть забирают, лишь бы заплатили и дали убратся отсюда!

- Ты так ничего и не понял, командир – Арапмои не нужно это старое корыто, ему нужен груз, который мы перевозим!

- Зачем?

Хасан еще немного помялся и произнес, немного понизив голос:

- Ты разве не заметил, командир, какого рода груз мы перевозим? Если ты мне скажешь, что уверен, что мы перевозим только мешки с цементом и запчасти для тракторов – я буду сильно разочарован в твоей наблюдательности, командир!

- Хасан, я буду в тебе не менее разочарован, если выяснится, что все время ты держал меня за простака, но кроме того, как ты наверное заметил – я умею не лезть не в свои дела, а если и случайно влезаю – не задаю глупых вопросов!

- Ты уже влез не в свое дело и даже сильнее, чем можешь представить себе – грустно произнес Хасан – Арапмои может помочь террористам, а они помогут ему захватить одно очень перспективное месторождение, которое стоит огромных денег. Но даже это не главное – владеющий им получает огромное экономическое и политическое влияние в Африке и может стать практически самостоятельным правителем, определять политику практически всего континента, подчинить окрестные племена и вести собственную политику. В

общем, много чего можно получить, но главное – это то что лежит у нас у нас в трюме. Это – довольно крупная партия оружия и боеприпасов, предназначенная одной влиятельной группировке с которой сотрудничает Арапмои. Кто-то из его спутников, а может быть и он сам, обеспечивает ее сопровождение и передачу. Это абсолютно нелегальная операция в которой заинтересованы весьма влиятельные люди. Все это добро – и оружие и оборудование будет передано в условленном месте. Сам понимаешь – посторонние свидетели такой передачи никому не нужны! Как только весь груз будет выгружен на берег – ты им будешь уже не нужен, как и твое судно!

Слова Хасана заставили меня задуматься – своеобразная торговля месторождениями – довольно распространенный и прибыльный бизнес в этих краях. Отыскать какое-нибудь месторождение и выгодно пристроить его – голубая мечта всех здешних правителей, как бы они себя не называли – вожди, цари, президенты и т.п. Вопрос даже не в том, чтобы отыскать подобное месторождение, а в том, чтобы суметь его удержать за собой, так как подобные новости разлетались со скоростью лесного пожара и к указанному месту тут же слетались различные группировки, как правило – вооруженные до зубов, им пытались противостоять представители «законной власти» спешащие туда же и тоже - не с пустыми руками. «Спор хозяйствующих субъектов» обычно разрешался быстро и максимально жестко. Кто сильнее – тот и прав! Проиг-

равшая сторона обычно уступала, но затаивала обиду. Это служило причиной практической перманентной войны всех против всех.

Таким образом, хотя Хасан и не открыл мне ничего нового, но кое-какую ясность он все же внес. Я должен привести судно в назначенное место. после чего моей основной задачей становилась как можно быстрее унести отсюда ноги и не попасться ни боевикам Арапмои, ни местным законным властям, ни кому-либо еще.

Про оплату лучше всего было забыть прямо сейчас.

- Зачем ты мне все это рассказал, Хасан? – спросил я, пристально глядя на него.

Хасан опять помолчал и начал что-то бормотать о каких-то странных случаях, происходивших с белыми специалистами под окончание их контрактов, потом сбивчиво начал толковать о том, что вот «ты же был с нами все три года, мы все тебя уважаем и хотим, чтобы у тебя все завершилось хорошо» и прочее – в том же духе. Но тут, неожиданно, мне пришла в голову еще одна мысль:

- Хасан, ты мне сейчас все так подробно рассказал, что я прямо поражен твоей проницательностью, я даже представить не мог, что в моей команде служит такой умный и наблюдательный человек! Как же ты смог разгадать все коварные замыслы нашего работодателя?

Хасан еще немного помялся, затем оглянувшись и убедившись, в том, что нас никто не может подслушать наконец ре-

шился и выдал следующую информацию:

- Дмитрий, ты хороший человек, мы с тобой давно работаем вместе, ты грамотный и хороший командир, всегда хорошо ко мне относился, поэтому, мне будет жаль, если ты попадешь в неприятности и даже не будешь знать - за что.

- Так что же должно произойти, Хасан?

- Арапмои не единственный, кто знает о месторождении, есть и другие заинтересованные и скорее всего, они предпримут меры чтобы перехватить его. Удобнее всего это сделать когда мы прибудем в ... и встанем под разгрузку. Как только наше корыто разгрузят – Арапмои оно станет не нужно – он не планирует заниматься морскими перевозками, зато у него появится нежелательный свидетель - европеец, который может рассказать всем об источнике неожиданного богатства Арапмои. Поэтому, скорее всего – всех белых ликвидируют, сразу же, как перестанут нуждаться в их услугах, а заодно и нас, местных, которых Арапмои не считает своими людьми. Потому я предупреждаю и прошу тебя – будь осторожен!

Та-ак, теперь мне сообщают, что в довершении ко всем неприятностям, я могу еще и запросто «угодить под замес» среди местных «авторитетов»! Это уж мне совсем ни к чему!

- Что ж, Хасан, спасибо что предупредил, я конечно же буду осторожен, но мне все равно кажется, что ты что-то не договариваешь? Например, о том, кто нас может поджидать в месте разгрузки? Ведь ты это знаешь?

- Нет, командир, больше я ничего тебе сказать не могу!

Мне очень жаль! Повторю только то, что Арапмои – не единственный, кто знает о месторождении и хочет им завладеть. Если я что-нибудь замечу раньше – я постараюсь тебе помочь, но ты и сам будь очень осторожен. Больше сказать тебе я ничего не могу!

Сказав это, Хасан, повернулся и вышел из рубки на палубу, оставив меня наедине, с кучей разных мыслей. Как я понял, Арапмои практически довел свой план до логического завершения – груз доставлен, его люди – готовы, местонахождение месторождения – ему, скорее всего, тоже известно. И что также очевидно – то, на что мне намекал Хасан – на берегу Арапмои и его людей может ожидать неприятный сюрприз, в виде подготовленной засады. Про то, откуда Хасан что-то знает (а он точно знает больше, чем сказал!) мне сейчас думать не хотелось. Главные вопросы лично для меня сейчас – это что мне делать сейчас и как бы суметь избежать весьма вероятных неприятных для меня событий, итогом которых, скорее всего, станет мое изувеченное до неузнаваемости тело, доедаемое акулами, обитающими в здешних водах. Как быть? Пойти и рассказать все Арапмои в расчете на его благодарность? Сомнительно, но как вариант пойдет. Посадить судно на мель или риф – тем самым выиграв немного времени для принятия окончательного решения, либо просто ни во что не вмешиваться и подождать естественной развязки – в конце концов, я обычный наемный работник и собственных интересов у меня во всей этой истории нет? Хо-

тя тоже – вряд ли меня отпустят, для них гораздо проще – чиркнуть ножом по горлу и за борт. Не будут они со мной ни о чем договариваться. Я для них – чужой и потому никакой ценности не представляю, ни как предмет торга, ни как специалист. Для патрулирования прибрежных вод у них самих хватает «специалистов» из числа местных рыбаков или вовсе – пиратов, или и тех и других. Надеяться на туманное обещание Хасана на некую «помощь» – тоже особенно не стоит, как оказалось, Хасан этот тоже не так прост. Попытаться бежать, но во-первых как – тайно, просто соскользнув с корабля ночью или, устроив на борту какой-нибудь «шухер», в суматохе высадиться на берег и уйти по суше. Тоже, вариант так себе – скорее всего далеко мне уйти не удастся, я же не знаю местности, да и проживающие здесь же аборигены, вряд ли меня пропустят к цивилизованным местам. Что же делать?

Прокрутив в голове множество вариантов, решил остановиться на следующем: не делать никаких действий, по которым меня можно было бы заподозрить в том, что я посвящен во все планы Арапмои, продолжать разыгрывать недалекого «белого» чьи интересы связаны только с возможно большим заработком и дальнейшей сытой жизнью, быть начеку и по возможности не дать схватить себя врасплох. Для чего следовало: продолжать выполнять свою работу как прежде, принять меры по обеспечению собственной безопасности, желательно, заполучить что-нибудь, что можно было бы исполь-

зовать в качестве оружия, то, что можно будет припрятать где-то рядом, в доступном месте. В запасе у меня примерно еще около двух суток, может чуть меньше, в конечную точку мы придем, по моим расчетам, во второй половине дня, ближе к вечеру. Ночи тут наступают быстро и они достаточно темные. Дальше – действовать по обстановке.

Отстояв свою вахту и передав управление судном Хасану, я вышел на палубу и задумался о том, где взять оружие. На самом деле, как выяснилось, оружия на борту было полно, но оно находилось в упакованном виде, в ящиках, в трюме, под охраной людей Арапмои. При этом, предполагалось, что я не знаю об их содержимом. Кроме того, в капитанской каюте, в сейфе могло храниться какое-нибудь оружие - что-то из запасов Арапмои – он постоянно таскал что-нибудь в этом роде. Но сейчас все это добро было недосыгаемо для меня и пылилось в сейфе, под замком, ключи от которого также находились у Арапмои. У меня конечно, был свой комплект ключей, который я «светить» не хотел, но трудность состояла в том, чтобы незаметно проникнуть в каюту, открыть сейф и вынести оттуда все необходимое, а затем незаметно спрятать его в надежном месте, так, чтобы его можно было в любой момент достать. В сложившихся условиях это был не вариант. Следовательно, нужно было искать что-то максимально компактное и для посторонних незаметное. Значит, что-то типа пистолета. Из похожего, в моем распоряжении была только ракетница, для подачи сигналов в море, хранив-

шаяся в специальном рундуке в рубке и десятка три патронов к ней. Как вариант, подойдет, хотя выступать с ракетницей против автоматов и гранатометов – весьма самонадеянно. Ладно, ищем дальше. В моем бауле лежал охотничий нож, купленный мной по случаю на одном из местных базаров. Нож был хороший, кованный, изготовленный прямо на моих глазах местным кузнецом, но попользоваться им я еще не успел – все некогда было, поэтому он и лежал у меня в бауле, среди других личных вещей и сувениров. Ничего другого, похожего на оружие, ничего у меня не было. Значит, придется обходиться тем, что есть или тем, что может подвернуться под руку в свое время.

От всех этих вопросов голова шла кругом, однако решение все никак не приходило.

Тем временем, по указанию Арапмои, я был вынужден отключить автоматическую идентификационную систему, таким образом, мы стали невидимы для всех навигационных спутниковых систем.

Между тем, до конечного пункта нашего похода остались примерно сутки. И тут события события понеслись с какой-то невероятной скоростью, круша и опрокидывая все мои планы и замыслы.

Сначала меня вызвал на разговор Хасан, который сообщил мне информацию, после которой я понял, что выпутаться из всей этой истории благополучно я вряд ли смогу.

Хасан, отведя меня на нос судна, делая вид, что рассмат-

ривает что-то на горизонте, начал, против обыкновения, без предисловий:

- Командир, то что я тебе сейчас предложу, предназначается только для твоих ушей. Если ты примешь предложение – сможешь выйти живым, а если все сложится хорошо – то еще и богатым. Если ты не примешь моего предложения – то прошу тебя, не делиться этой информацией с кем-либо другим, во избежание очень больших неприятностей, о которых мне придется сожалеть. Надеюсь ты все хорошо понимаешь, что молчание – залог твоей безопасности.

После того, как я пообещал молчать в любом случае, (а что мне еще оставалось делать?), Хасан продолжил:

- Ты в курсе, что Арапмои решил «обойти» своего хозяина и самому выйти в хозяева. Там, куда мы сейчас идем, у Арапмои уже все готово – его люди ждут наш груз. У нас на борту находится снаряжение, оборудование, горючее, словом, все что необходимо, для обустройства лагеря и его охраны. Кроме того, в наших ящиках еще есть оружие и боеприпасы – то, что Арапмои должен будет передать боевикам. По моим расчетам, на берегу его ожидают примерно 50-70 человек, еще около трех сотен, подойдет позже. Им и потребуется оружие и снаряжение. Твоя задача только доставить груз и проследить за его разгрузкой. Потом ты станешь не нужен Арапмои и я не могу сказать, какие у него планы относительно тебя. Наш корабль ему тоже ни к чему, скорее всего, его затопят, если не смогут перепродать. Таков, в общих чертах,

план Арапмои. О своем месте в нем - догадайся сам!

- Теперь о том, что я предлагаю тебе. Я являюсь представителем одной влиятельной группы, нас поддерживает несколько племен. Мы решили перехватить груз у Арапмои и сами завладеть и грузом и месторождением. Когда мы придем в место разгрузки, Арапмои, несколько его ближайших помощников сойдут на берег, встретятся со своими людьми, убедятся что все безопасно после чего дадут команду к разгрузке. Корабль все это время будет пришвартован к пирсу. Когда Арапмои и его люди сойдут на берег мы организуем нападение на них и захватим корабль, до того как к ним успеет подойти подкрепление. Твоя задача, подстраховать груз и отвести нашу посудину от берега, чтобы Арапмои не смог на нее вернуться.

- Хасан, отвести судно от берега в одиночку, мягко говоря, сложновато, да и люди Арапмои оставшиеся на борту, скорее всего, будут сильно возражать против этого...

- Это уже не твоя забота, мы все сделаем сами, ты только отведешь судно метров на сто от берега, а затем, когда все будет кончено – опять подойдешь к пирсу. Помощников мы тебе обеспечим – тебе даже делать ничего особенного не придется! Времени у нас осталось не много, мы должны быть уверены в тебе, поэтому - каким будет твое решение?

Ага! - «Каков будет ваш положительный ответ?». Предложение Хасана практически не оставляло мне выбора, я не мог отказать, кроме того, я понимал, что отныне за мной бу-

дут пристально следить и сделай я хоть один шаг в сторону каюты Арапмои, скорее всего, мне устроят какой-нибудь «несчастный случай», например, в виде случайного падения за борт. Сколько на борту находится сторонников Хасана я тоже не знал. Немного подумав, я произнес:

- Ладно, Хасан, я согласен, но только на то, чтобы отвести судно от берега и привести его потом обратно. Ни в каких ваших разборках я участвовать не хочу и не буду. После того, как все закончится, меня должны будут немедленно отпустить и обеспечить мою доставку туда, куда я скажу, вместе со всеми моими вещами, ибо я намерен покинуть Африку и вернуться домой. И еще, мне нужно что-нибудь для самообороны и лучше, если я получу это немедленно. И последнее – я хотел бы уточнить размер своего вознаграждения за проделанную работу, поскольку сомневаюсь, что компания или сам Арапмои рассчитается со мной после того, «как все закончится».

- Хорошо, командир, я обещаю тебе, что мы доставим тебя куда ты скажешь и честно расплатимся с тобой за твою работу. Что касается размера оплаты – могу сказать, что она будет достойная, а пока, в качестве задатка, возьми вот это!

С этими словами, Хасан вытащил из кармана и протянул мне небольшую коробочку, открыв которую, я, от неожиданности, чуть не выронил ее за борт. Там были замечательные, швейцарские, крутые часы - Ulysse Nardin Marine Chronometer, в золотом корпусе, с золотым же браслетом.

Стоимость таких часов, даже подержанных, была не меньше миллиона рублей – это я знал совершенно точно.

- Не показывай это пока никому, особенно Арапмои – иначе он сразу обо всем догадается, а чуть позже я передам тебе то, о чем ты ранее просил.

- Хорошо, я понял тебя, Хасан! Считай, что мы обо всем договорились!

На этом наш разговор завершился. Хасан спустился вниз, я вернулся в рубку. До нашего прибытия в пункт назначения оставалось примерно десять-двенадцать часов. Обстановка на борту не менялась, охранники, свободные от работы или дремали, разместившись прямо на палубе, играли в карты или просто молча сидели, покуривая свои самокрутки.

Тем не менее, я стал чувствовать постепенно нарастающее напряжение.

Через некоторое время, ко мне подошел один из бойцов Арапмои и сообщил, что хозяин хочет поговорить со мной у него в каюте.

Арапмои ждал меня, но никакой уже привычной для него расслабленности, в этот раз я не отметил – он был собран и настроен на деловой разговор.

- Дмитрий, я думаю пришло время нам поговорить откровенно, полагаю, что ты уже сам догадался, если не обо всем, то уже о многом и понимаешь насколько важен для тебя сейчас наш разговор. Я прав?

Я решил, что сейчас притворяться дураком смысла нет –

можно быстро оказаться за бортом, поэтому ответил максимально искренне:

- Разумеется, Арапмой! Я же не слепой, кроме того, я не первый день хожу в рейсы, поэтому я вижу, что именно загружают на судно и предполагаю - для чего.

- Хорошо, Дмитрий, что ты все понимаешь. Теперь нам нужно понять, кто ты для нас – друг или враг? – полузакрытые глаза Арапмой продолжали следить за мной, не отрываясь ни на секунду. Спрашивать он все-таки умел – этого навыка у него не отнимешь – глаз, как в прицел смотрит. Но что-то отвечать нужно – я выдохнул и произнес:

- Я не знаю друг я тебе или враг, особенно в той операции, которую ты затеваешь. Я хочу привести судно в намеченную точку, получить деньги и уехать домой. В этих границах я не намерен ничего менять и вредить тебе. Но в дальнейшей операции – я тебе помогать уже не должен и не буду – это уже не мое дело. Ты знаешь, что я не люблю вмешиваться не в свои дела, но и впутываться в различные истории я тоже не желаю!

- Хорошо, Дмитрий, я понял тебя и, конечно же, мы не будем тебя впутывать в свои дела, но скажи – что тебе говорил Хасан? Может, ты что-то желаешь мне сообщить? Для установления нашего полного доверия по отношению друг другу?

Это был как удар «в поддых». Значит Арапмой в курсе наших разговоров с Хасаном? Кто-то подслушал и доложил?

Но времени на раздумье не было, я ответил первое, что пришло в голову, стараясь чтобы мой ответ прозвучал как можно тверже:

- Нет, Арапмои, мы с Хасаном не говорили ни о чем серьезном, что могло бы заинтересовать тебя. Хасан просто сказал, что груз, который сейчас находится у нас в трюме – слишком опасный и он беспокоится на свою и мою жизнь.

- И только и всего? – Арапмои продолжал пристально смотреть на меня.

- Да, это все! – твердо ответил я.

- Хорошо, Дмитрий! Сейчас иди в рубку и выполняй свою работу, не беспокойся ни о чем! – Арапмои жестом отпустил меня.

Поднявшись в рубку, я обнаружил там одного из своих матросов и одного из людей Арапмои – здоровенного негра, вооруженного до зубов.

- Где Хасан? – спросил я, но тот только пожал плечами.

Тем временем наступал вечер, волнение на море немного усилилось. Где же, черт побери, Хасан?

Я принял штурвал и повел корабль сам. Матрос ушел, но негр остался. На мои вопросы он только пожимал плечами, скалил зубы, но ничего не говорил.

Прошел еще час, но Хасан так и не появился, это стало подозрительным.

Неожиданно в рубку зашел Арапмои. Улыбнувшись по своему обыкновению, он спросил об обстановке, а затем по-

интересовался – смогу ли я сам завести судно в одну из небольших бухточек, которыми были усеяны все прибрежные скалы. Я ответил утвердительно. Арапмои, улыбнувшись еще шире, сказал:

- Тогда будь готов, Дмитрий, скоро будем на месте, я подскажу тебе, где мы будем разгружаться.

- Я нигде не могу найти своего помощника, ты его не видел, Арапмои?

- Не волнуйся за него, Дмитрий, ты его увидишь в нужное время! – от улыбки Арапмои, у меня почему-то похолодело внизу живота.

Между тем, погода, видимо, окончательно решила испортиться, волнение усиливалось, ветер заметно свежел. По указанию Арапмои мы подходили к берегу. По распоряжению Арапмои мы погасили практически все ходовые огни, оставив один топовый. Кроме того, на носу нами был установлен прожектор, которым мы пытались нащупать вход в бухту. Внезапно, на берегу зажглось несколько огней, обозначая створ. Я направил судно туда. Арапмои, стоя на носу несколько раз мигнул прожектором и получив ответный сигнал, дал команду на вход в бухту. Но перед этим, он показал мне еще кое-что, вернее – кое-кого...

Два его «бойца» вытащили из трюма и положили на палубу, так, чтобы я мог видеть, большой темный сверток и осветили его карманными фонарями.

Это было тело моего помощника...

Глава 4

4. Бег по лезвию тумана

- Он оказался не тем, за кого себя выдавал – голос Арапмои звучал негромко и совершенно равнодушно, – кроме того, он оказался очень глупым человеком, ввязавшись в игру, правил которой он совсем не понимает. Я – Арапмои, и я не первый год в своем бизнесе и давно уже научился выявлять скрытых врагов и предателей. Поэтому мы немного изменили место нашей разгрузки. Мне грустно это говорить, но ты Дмитрий, тоже не прошел проверку на доверие и поэтому твоя жизнь сейчас висит на тонком-тонком волоске. Если ты приведешь судно в бухту и не будешь совершать глупостей – у тебя есть шанс сохранить жизнь, а может быть я даже выплачу тебе все что полагается за этот рейс. Надеюсь, ты понимаешь, что будет в противном случае? Мне ведь не нужно это объяснять? – задал вопрос Арапмои.

- Да, я все понял, Арапмои, я все сделаю как надо, тебе не о чем беспокоиться!

- Да я и не беспокоюсь, Дмитрий, я и не беспокоюсь! Уверен, что ты, в отличии от своего помощника – человек умный и глупых поступков не допустишь. Кроме того, с тобой будет Масуд – он указал, стоявшего за моей спиной негра – он поможет тебе избежать всяческих искушений, которые ты можешь испытать... вольно или невольно.

С этими словами, Арапмои, сделал знак своим людям и тело Хасана отправилось за борт.

- Счастливого плавания! – издевательски произнес один из бойцов Арапмои и все, стоявшие вокруг, захохотали.

«Счастливого плавания, тебе, Хасан, к своему последнему причалу!» – произнес я про себя.

Наше судно осторожно подходило к небольшому пирсу, на котором нас уже ожидало несколько человек. По видимому – это были люди Арапмои, встречающие груз. Я находился в рубке, стоя за штурвалом, а позади меня торчал этот негр-переросток Масуд. Было еще светло, хотя солнце неожиданно ушло за тучи. Все вокруг неожиданно стало казаться серым, отчего мое настроение сделалось окончательно паршивым.

С борта метнули веревочные концы, люди стоявшие на берегу дружно взялись за работу и скоро корабль был уже надежно пришвартован к пирсу. Все вокруг оживились готовясь к разгрузке. К берегу подъехало несколько грузовиков и люди Арапмои начали сноровисто перетаскивать груз с корабля, складировав его на берегу, другая «команда» также быстро стала загружать его в грузовики.

Из рубки меня не выпустили – на попытку выйти, Масуд лишь выразительно перехватил поудобнее автомат и отрицательно покачал головой.

От нечего делать я стал смотреть на море, волнение на котором все усиливалось. Есть такое выражение «равнодушно,

как море», но для меня море никогда не было таким. Оно всегда было живым и разным. Я всегда доверял морю и часто глядя на волны, находил решение в сложнейших жизненных ситуациях. Вот и сейчас, в мерном шуме волн, мне стала чудится некая подсказка, как будто море, в очередной раз, хотело помочь мне.

Я вслушивался в мерный рокот волн — будто сама вечность отсчитывала секунды. Я смотрел на море — и в этой безбрежности вдруг увидел ответ.

Моя проблема казалась неразрешимой: ловушки со всех сторон, времени почти не осталось, а любое решение вело к катастрофе. Я перебирал варианты, как бусины чётков, — и каждый был тяжелее предыдущего. Но море... Море не знало сомнений. Оно просто *было*. Волны разбивались о скалы — не потому, что так надо, а потому, что иначе нельзя. Прилив сменялся отливом, шторм — штилем, но суть оставалась неизменной: движение.

В голове у меня начал складываться план — не хитроумный, не изошрённый, а единственно возможный, хотя и рискованный.

Ветер усилился, будто подтверждая мои мысли. Где-то на горизонте стала отчетлива видна туманная полоса — на нас надвигался туман.

Я принял решение, все сомнения ушли — осталась только холодная ясность. Море продолжало шептать свои древние истины, но теперь я их *слышал*.

«Спасибо, — мысленно сказал я. — Я тебя понял».

План заключался в следующем: нужно было отогнать судно от пирса и выйти из бухты в море. Для чего следовало: нейтрализовать своего «охранника», затем, с помощью других членов экипажа - «отдать швартовы» и запустить двигатель. Для чего, в свою очередь, следовало дожидаться наиболее подходящего момента.

Люди Арапмои продолжали разгрузку, однако их число на борту уменьшалось — некоторые завершив погрузку на грузовики, разместились там же, не горя, по видимому, желанием продолжать тяжелую физическую работу. Таким образом, постоянно на борту находилось не более 10-12 человек, большинство которых не было даже вооружено. Среди них я заметил и своих матросов, на помощь которых рассчитывал. Они свободно переходили с борта на берег и обратно, переговаривались с людьми Арапмои, шутили, смеялись и судя по всему чувствовали себя прекрасно. Внезапно я понял, что помощи от них я не дождусь — скорее всего — они тоже были заодно с Арапмои и его бандой. Это значит, что рассчитывать мне придется только на самого себя.

Вглядываясь в берег я продолжал наблюдать за обстановкой и людьми, попутно делая для себя некоторые выводы. Увиденное давало некоторые основания для надежды на спасение. Люди Арапмои, видимо, не принадлежали к профессиональным военным и представляли собой, скорее всего, разнообразный сброд, набранный из местных. Конечно, это

были реально опасные ребята – наверняка побывавшие не в одной переделке и знающие с какой стороны братья за автомат, однако у них не было того, что отличает профессиональных солдат от простых боевиков, а именно – дисциплины. Несмотря на приказ Арапмои, его боевики, закончив работу разбрелись по всему побережью, кто-то сразу же завалился спать, остальные расселись вокруг разведенного кем-то костра, стали что-то варить в большом котле. Вскоре от этой компании потянуло подозрительно сладковатым дымком. Бойцы же, назначенные на охрану судна, сначала завистливо втягивали запахи доходившие с берега, а затем, видимо не выдержав искушения, без раздумий оставили посты и перешли на берег, присоединившись к своим «коллегам». Таким образом, на борту оставался я и мой сторож в рубке.

Тишина в рубке была густой, липкой, как мазут. Я смотрел на берег, стараясь не выдавать своего волнения, но внутри меня все вибрировало холодной, собранной пружиной. Мысли проносились вихрем: «Разгрузка закончена, команда – предатели, Масуд с автоматом – справа, у двери. Он уже получил приказ убить меня и скорее всего сделает это на рассвете, когда и я и мое судно станут ненужными свидетелями...»

Тем временем, Масуд, видимо немного успокоенный моим поведением, извлек из кармана сигарету и с наслаждением затянулся. По рубке поплыл сладковатый дым, лицо Масуда постепенно приобретало все более расслабленное выра-

жение. Однако, на его счет я не обольщался, краем глаза я видел, что Масуд все также внимательно наблюдает за мной, держа автомат на коленях, но не выпуская его из рук.

«Надо бы как-нибудь отвлечь его внимание» – подумал я, как тут сам Масуд невольно помог мне.

Он заметил подаренную мне коробочку с часами, подаренными мне погибшим Хасаном, которую я засунул на одну из полочек, не успев ее как следует припрятать. И сейчас Масуд, желал ее заполучить. Недвусмысленным жестом он указал мне на нее. Очевидно, Масуд решил «прихватизировать» кое-что из моих вещей прямо сейчас – не дожидаясь общего дележа.

Все! Мое время истекло. Пора действовать. Я коснулся своего талисмана, подаренного мне «на удачу» в детстве и запустил мысленный отсчет.

Пять! С глуповато-испуганной улыбкой, делая вид, что ничего не понял, я приблизился к Масуду. Он, нахмурился и переведя автомат уже в боевое положение, повторил свою команду.

Четыре! Я взял коробочку и открыв ее, протянул Масуду, но в руки не передал. Заодно приблизился еще на пол-шага к боевику.

Три! Золото вспыхнуло на дорогих часах, притягивая взгляд бандита.

Два! Масуд протянул руку к часам, машинально приподнимаясь с рундука. Он слегка качнулся, на мгновение при-

няв неустойчивое положение...

Один! Я сорвался с места и уходя с линии огня, одновременно, нанес удар снизу вверх - в кадык. Хрящ приглушенно хрустнул, из горла Мауда вырвался хриплый свистящий выдох. Пользуясь заминкой, я ткнул большим пальцем в глаз противнику и с короткого замаха послал жесткий как лом, удар коленом в пах. Здоровяк сложился пополам и в этот момент, я сбил его на палубу, левой рукой успев перехватить автомат за цевье. Масуд рухнул лицом вниз, я тут же плюхнулся ему на спину. Выкрутив автомат из рук бандита я с силой ударил его прикладом по затылку. Тело Масуда обмякло.

Не теряя больше ни одного мгновения, я быстро связал руки и ноги Масуда проволокой, валявшейся в рундуке, а вместо кляпа использовал какую-то ветошь. Эту же ветошь я использовал чтобы завязать ему глаза. Надежно «спеленав», таким образом, бандита, я первым делом, осмотрел свои трофеи.

Трофеи оказались впечатляющие: автомат АК-74 – не новый, но вполне рабочий, с полным магазином (даже с досланным патроном в патроннике – оказывается мне очень сильно повезло!), еще два полных магазина были расставаны по карманам масудовой «разгрузки», две ручные гранаты типа Ф-1 с запалами, огромный нож-мачете, небольшая аптечка (содержимое проверю позже!), складной нож, пачка сигарет, немного местных денег и прочий хлам, что таскают с собой «солдаты удачи» местного разлива.

Прислушавшись к крикам, доносившимся с берега, я ничего подозрительного не услышал – там по прежнему продолжался праздник. Теперь нужно было перерубить швартовные канаты и «отвалить» от пирса на максимально возможное расстояние.

Проверив состояние Масуда и убедившись, что он по прежнему пребывает без сознания, я вооружившись автоматом, гранатами и мачете тихо выскользнул из рубки на корму. Мне повезло, к этому времени уже наступила ночь и в темноте никто меня не заметил. Нащупав канат, я начал пилить его зазубренной стороной мачете. Справившись с кормовым швартовом, я почувствовал, как корма судна, освободившись, стала отходить от пирса. Дальше нужно было перебраться на нос и перерубить носовой швартов. Опасность была в том, что мои передвижения могли заметить с берега – место на носу было практически открытое. Стараясь не шуметь, скрываясь в по возможности в тени палубных надстроек, я пробирался на нос, когда неожиданно услышал окрик по-арабски: «Эй! Кто там на палубе?». Я замер. Один из боевиков, шатающийся по берегу, неожиданно встал и начал всматриваться в темноту. Его контур был виден мне на фоне костра, разведенного его приятелями. Решение пришло, как всегда, неожиданно. – подойдя к борту, я ответил по-арабски, стараясь максимально подделать свой голос «под Масуда» - «Я это, Масуд!», после чего стал справлять малую нужду прямо в воду. Расслышав знакомый звук, боевик рассме-

ялся и махнув рукой, отошел к костру.

Переведя дыхание, я отправился дальше на нос. Швартов был натянут как струна, с ним я расправился быстро. Судно, окончательно освободившись, тут же было подхвачено волной и стало отдаляться от пирса. Я бросился обратно в рубку – необходимо было запустить двигатель и выйти в море. Но тут, случилась досадная неожиданность – неубранные сходни заскрипели и зашуршали, а затем обрушились вниз, в воду. Это сразу же привлекло внимание боевиков. Раздались крики, зажегся фонарь, луч которого стал рыскать вдоль пирса, нащупывая корабль. Боевики, видимо, еще не поняли что произошло, видимо решив, что судно каким то образом «отвязалось» и немного отошло от берега.

Тем временем я ворвался в рубку и захлопнул за собой дверь. Руки сами нащупали в полутьме знакомые тумблеры – прокачка топлива, кнопка стартера...

Старый дизель, прокрутившись несколько раз, кашлянул, выплюнув клуб черного дыма, с утробным рычанием, завелся. Гул двигателя заполнил рубку, заставив завибрировать весь корпус судна.

Я рванул рычаг реверса в положение «полный назад». Винт взбил пену, баржа стала отходить от берега.

Тем временем, боевики начали стрелять – они уже поняли, что происходит и стали стрелять, правда пока наугад, в темноту, ориентируясь по звуку работающего двигателя и общим контурам судна.

Судя по вспышкам, боевики сконцентрировались на пирсе – запрыгнуть на борт они не успели.

Открыв дверь, я наугад дал очередь из автомата по пирсу, боевики отхлынули назад. Я начал разворот, взяв курс на выход из бухты в море. Расстояние от берега быстро увеличивалось. Настало время решить, что делать с моим невольным «пассажиром». У меня не было иллюзий, как бы поступили со мной, окажись я на его месте, но поступить так же со связанным пленником я не мог. Поэтому, завершив разворот, взяв нужный курс, я привел в чувство Масуда, освободив ему рот и глаза и вылив на него ведро воды.

Убедившись, что Масуд более-менее пришел в себя, я начал разговор:

- Ты понимаешь меня, Масуд?

Масуд, глядя на меня со страхом и ненавистью, тем не менее ответил:

- Да, я понимаю тебя!

- Это хорошо, что ты понимаешь меня, Масуд! Теперь скажи мне, ты ведь уже получил приказ убить меня?

- Я не понимаю, о чем ты говоришь...

- Подожди Масуд, у нас очень мало времени. Поэтому - не оскорбляй своих уст ложью, а отвечай на мои вопросы! Поверь, что для тебя это очень важно! Я повторяю свой вопрос, но больше этого делать не буду!

Масуд немного помолчал, затем произнес:

- Я не получил приказа убить тебя, но я его ожидал. Утром

должен был приехать Арапмои – он должен решить, что делать с тобой дальше.

- Зачем ты сунулся к моим вещам?

- Я думал, что тебя все равно убьют и хотел забрать твое имущество до того!

Я кивнул: И решил начать с часов?

- Да. Что ты сделаешь со мной теперь?

- Вот что я тебе скажу, Масуд – у меня есть все основания отправить тебя на корм рыбам, как несомненно поступил бы ты со мной. Но я – не ты. Поэтому я предлагаю тебе выбор – пока мы еще сравнительно недалеко от берега, ты можешь прыгнуть в воду и доплыть до него самостоятельно или – все равно добраться до берега, но уже в объединенном акулами до самых костей, виде. Твое решение?

- Я... я согласен... я доплыву сам!

- Правильное решение, Масуд! Сейчас я помогу тебе дойти до борта откуда ты прыгнешь и поплывешь. Я даже позволю тебе взять спасательный жилет – видишь, как я добр к тебе, но и ты тоже води себя хорошо, глупостей не делай, если что автомат у меня заряжен и при малейшем сомнении я превращу тебя в акулий завтрак!

- Хорошо, я сделаю все, как ты скажешь!

- Смотри мне, Масуд!

С этими словами, я помог Масуду встать и слегка ослабив ему путы на ногах, я подвел его к борту. До берега было около ста метров. Взяв автомат в левую руку, правой я пе-

рекусил кусачками проволоку, которой были связаны руки Масуда. Затем отойдя не несколько шагов, я ногой подвинул ему ярко-оранжевый спасательный жилет.

- Ноги освободишь сам, в воде, думаю, что ты справишься. Прощай, Масуд! Передавай привет Арапмои!

Масуд пристально посмотрел на меня, заметив наведенное на него дуло автомата, пожал плечами и натянув жилет, прыгнул в воду. Пловцом он оказался неплохим и за его благополучное возвращение на берег я не волновался. Тем более, что оснований для волнений у меня вскоре появилось с избытком.

Боевики тем временем пристрелялись. Пулеметная очередь прошла рубку насквозь. Стекла иллюминаторов осыпались с мелодичным, смертельным звоном. Пули защелкали, рикошета от переборок. Свет в рубке погас. Я приоткрыл дверь рубки и дал длинную очередь в сторону берега, ориентируясь по вспышкам. Автомат, выпустив последний патрон, замолчал, я лихорадочно менял магазин, кляня себя за то, что не догадался ранее соединить два магазина изолентой.

Баржа шла своим ходом, направляясь в море. Необходимо было встать за штурвал и умудриться не наскочить на камни или на мель. Осторожно привстав, я ухватился за штурвал, принимая управление судном. Моя цель была как можно быстрее выйти в открытое море. Я включил топовый огонь и подсвечивая себе путь, направил баржу к выходу из бухты. Сзади продолжали стрелять, но толку от этого практиче-

ски никакого – судно повернулось кормой к берегу и вести прицельный огонь стало затруднительно. Я практически перестал обращать на него внимание.

Теперь самое время было подать сигнал о помощи, я ощупью добрался до рундука и достал оттуда фонарь. Скользя лучом по приборам, я непроизвольно выругался – все приборы – спутниковый телефон, АИС – все было разбито! Видимо одна из случайных очередей все-таки вывела оборудование из строя. Я остался без связи.

Тем временем, «Вояджер» выходил из бухты. Это сразу почувствовалось – волнение стало гораздо сильнее, ветер усилился. Тем не менее, мое настроение значительно улучшилось – я сумел вырваться от бандитов (теперь я уже с полным основанием мог считать своего бывшего работодателя таковым!). Отойдя на несколько миль в море, я считал, что меня им уже не догнать. Необходимо было разобраться с состоянием судна.

Но радовался я рано...

Глава 5

5. Немного ранее (интерлюдия)

Дав команду на разгрузку судна, Арапмои сошел на берег. Пока все двигалось по намеченному им плану. Груз прибыл в назначенное место, встречу «принимающая сторона» обеспечила и даже происки этого идиота Хасана, в итоге, ни к чему не привели. Его люди будут ждать своего предводителя где-то далеко и совершенно напрасно! Вспомнив о Хасане, Арапмои усмехнулся, но тут же нахмурился. Этот русский, что служил у него, несмотря на то, что был хорошим специалистом, оказался таким же глупцом, как и Хасан, а следовательно – с ним тоже нужно было решать вопрос. Но тут проблем тоже не должно быть – Масуд получил необходимые указания и он их исполнит... уже очень скоро! Пусть только получше стемнеет.

Арапмои сел в подогнанный на берег джип. Жестом подзывая к себе одного из своих ближайших помощников – Джамаля, Арапмои коротко распорядился:

- Пять человек – на охрану баржи! Остальным – отдыхать, но с берега не уходить, я вернусь на рассвете – тогда скажу что делать с этим старым корытом!

Джип рванулся с места, за ним тронулись джипы с охраной.

Свою ошибку Арапмои осознал позже - только когда вер-

нулся.

Тишина на пирсе была первым знаком того, что что-то пошло не так. Не та благодушная, уставшая тишина после тяжелой работы, а напряженная, виноватая, полная невысказанной паники. Арапмои, которого ждали только к утру, вышел из джипа и замер, впуская в себя эту тишину. Его острый, параноидальный нюх, выработанный за годы риска, уловил в воздухе не запах завершеного дела, а запах провала.

Он прибыл раньше, чтобы лично проконтролировать финальную часть операции и услышать о последних минутах жизни русского капитана – того самого, чей спокойный и невозмутимый взгляд раздражал его с самого начала.

Но вместо этого он увидел кучку своих людей, растерянно толпящихся у воды и пустой пирс. Баржа исчезла...

- Где моя баржа? – спросил Арапмои очень тихо. Его голос низкий и спокойный прозвучал громче любого крика.

Вся история выплеснулась на него обрывочным и грязным потоком оправданий «он был связан», «у него охрана была», «мы всего на минуту», «он двигался как демон», «туман, хозяин, это все шайтанов туман»...

Когда картина окончательно сложилась в голове Арапмои – один человек убит или похищен, трое раненых, перерубленные швартовы, угнанная баржа – лицо Арапмои стало похоже на маску из черного камня. Только жилка на виске отчаянно пульсировала.

Груз был на берегу. Это было единственное, что удерживало его от немедленной расправы. Но рациональные аргументы тонули в бушующем море оскорбленной гордости. Этот русский, этот чужеземец, которого он уже считал практически трупом, не просто сбежал. Он сумел переиграть его людей, он осмеял созданную Арапмои систему и доказал всему этому жалкому сброду на берегу, что и Арапмои может промахнуться.

Ярость была белой и горячей как расплавленный свинец. Она вытеснила расчет.

- Спустить оба катера! Сейчас же! – его голос сорвался на металлический рев.

- Найти эту ржавую консервную банку и пустить ее на дно! Русского... русского доставить мне. Чтобы я мог смотреть ему в глаза, когда буду сдирать с него шкуру и резать на лоскуты!

Это был приказ, рожденный не стратегией, а чистой, неконтролируемой злобой. Опытный тактик в Арапмои мгновенно умер, уступив место оскорбленному варвару. Его люди, видя эту ярость, бросились выполнять приказ с лихорадочной поспешностью, не смея указать на очевидное: ночь, нарастающий шторм, туман, который уже съел горизонт. Они боялись Арапмои больше, чем моря.

И эта отсрочка – время на спуск катеров, на сбор экипажей, на выход в слепую ночь – стала бесценным подарком, который Арапмои, сам того не ведая преподнес русскому.

Пока его гончие только выходили на охоту, его добыча уже растворялась в молочной пустоте, набирая расстояние.

Глава 6

6. Море ярости и тумана

«Вояджер», постукивая двигателем на малых оборотах, шел в полосу тумана. Я пытался по мере возможности оценить его состояние. Двигатель вроде исправен, течи тоже вроде как нет. Горючего – около половины цистерны, должно хватить до цивилизованных мест. Из плохого – разбитые навигационные приборы, но радиостанция рабочая. Правда, передавать что-то по радио я пока не рисковал – бандиты могли запеленговать. Ладно, с этим разберусь позже. Дискомфорт доставляли сквозняки, свистевшие из разбитых иллюминаторов и пулевых отверстий, осветительные приборы частично разбиты, но прожектор на носу, как ни странно – уцелел. С этим тоже – разберусь засветло. Света в рубке не было – разбита лампа, но это тоже пока не критично. В общем – пока жить можно.

Вернувшись к штурвалу, машинально бросив взгляд назад, я вдруг замер – на горизонте, разрезая ночь двумя острыми, белыми клинками лучей, из-за мыса вышли два скоростных катера. Их прожекторы, как щупальца, принялись ощупывать темноту, пока не нашли, не схватили в перекрестие света мое судно – одинокое и медлительное.

«Ну вот и все! – мелькнула мысль. Я вдохнул воздух, пахнувший соляной, страхом и ... свободой. «Ну нет, хрен вам,

просто так вы меня не возьмете! – вдруг подумал я и переведя судно на максимальный ход, рванул в открытое море.

Дизель «Вояджера» ревел надрывно, выплескивая в ночь клубы черного дыма. Я пригнувшись за штурвалом вел баржу практически вслепую, ориентируясь лишь на далекий шум волн, ударявшихся о берег где-то позади.

Первые пулеметные очереди с катеров прошли темноту, трассеры ложились веером, но «Вояджер» уже набирал ход, уходя от обстрела.

Моим первым союзником стало волнение на море. Баржа, тяжелая и неуклюжая, начала раскачиваться, то зарываясь носом в волну, то взлетая на самый гребень. Я старался использовать это, сбивая прицел преследователям. Катера, как два голодных волка, резали воду, быстро сокращая дистанцию.

Новая очередь из пулемета прошла по палубе разбив один из боковых огней и прожектор на носу. «Очевидно стреляют из крупнокалиберного» - промелькнула мысль. Я интуитивно почувствовал, как один из катеров заходит мне в корму, чтобы перебить рули. Идея появившаяся у меня была холодной и ясной «Оторваться не получится. Значит, идем – в лоб!»

Я рванул штурвал, разворачивая судно навстречу ближайшему катеру. Тот видимо не ожидая такой наглости, рванул-ся в сторону, уходя от столкновения и ему это почти удалось, но тут катер угодил в ложбинку между волнами. Я используя

инерцию бортовой качки подставил под удар не нос, а десятки тонн своего левого борта...

Глухой сокрушающий удар потряс «Вояджер». Звук ломающегося корпуса катера, крики, заглушенные ветром и волнами. Огни катера погасли и он, беспомощно закрутившись, остался за кормой, быстро поглощаемый штормовой мглой.

Второй катер не ринулся на мщение. Он замер, резко сбросив скорость. Его прожектор оторвался от корпуса «Вояджера» и заскользил по черной воде, выискивая в водовороте своих. Крики о помощи, долетавшие сквозь вой ветра, оказались важнее погони.

И в этот момент, с раскачивающегося катера, брызнула огнем короткая оранжевая вспышка. Выстрел из чего-то, напоминающего гранатомет был сделан наудачу, с большой дистанции, но по закону подлости, граната, выпущенная с катера, описав неровную дугу врезалась в корпус «Вояджера». Взрыв сделал пробоину в борту, сорвал часть палубных надстроек, осыпал палубу осколками и окончательно разворотил рубку. Двигатель моего судна заглох. От удара я повалился на палубу, вероятно, это спасло мне жизнь. Полуослепший и полуоглохший от взрыва, я подполз к штурвалу, стараясь восстановить управление судном. Но осветив фонарем палубы я понял, что скорее всего, мне пришел конец.

В борту зияла пробоина, хотя она была не слишком большая и выше ватерлинии, но в нее теперь хлестали волны, каждый раз принося внутрь тонны воды. «Вояджер» уже кре-

нился набок и это уже не могли не заметить с катера.

Взглянув в сторону преследователя, я неожиданно отметил, что луч прожектора, шаривший по воде, стал как бы мутнее, как будто кто-то завесил горизонт плотным целлофаном. «Туман – догадался я – я попал в полосу тумана, а значит – у меня появился хоть какой-то шанс уйти, но действовать нужно быстро!». Быстро спустившись на нижнюю палубу я нашел то что мне было необходимо – большой деревянный щит, кусок прорезиненной ткани и несколько деревянных жердей. Воды в трюме было уже почти по пояс. Поймав момент между ударами волны я подвел пластырь под пробоину. И зафиксировал его, подперев жердиной. Течь значительно сократилась. Пока это был все что можно было сделать. Выбравшись на палубу, я вновь взглянул на катер преследователей. Если бы они смогли подойти к «Вояджеру», моему плаванию пришел бы конец, но катер по-прежнему стоял на месте подсвечивая место столкновения прожектором. «Подбирают своих – догадался я – потому и не двигаются...или просто – стоят и ждут, когда баржа затонет сама. Но просто так они этого не увидят!».

Забежав в рубку (вернее – в то что от нее осталось) я опять занял место за штурвалом, - проверка систем, щелчок тумблера, кнопка стартера – двигатель нехотя стал проворачиваться. Вдруг, чихнув, двигатель заревел. Жизнь, хоть и надсадная возвратилась в израненное судно. Следом заработала автоматическая помпа, откачивая воду из трюма. А туман,

тем временем, спустился окончательно. Густой, молочный, непроницаемый. Он пожирал свет, звук и саму реальность. Я выключил все оставшиеся огни и на малых оборотах повел «Вояджера» в эту белую стену.

Последнее что видели с катера – это темный расплывающийся силуэт, будто стираемый ластиком ночи. Несколько бесполезных очередей вдогонку и погоня закончилась.

Глава 7

7. Доклад Арапмои (интерлюдия)

На пирсе, Арапмои выслушивал доклад Хакима - командира оставшегося катера. Он не перебивал, не выкрикивал угроз – он просто молча слушал и смотрел на говорившего. И от этого молчания и от холодного взгляда, у командира катера холодел живот. Докладывая о неудавшейся погоне он не сказал всей правды – в частности он не сказал, что струсил перед туманом и прекратил погоню. Он доложил иначе:

- Мы почти настигли его, обстреляли и решили взять его в клещи. Его посудина не могла уйти от нас, но это чертов белый - настоящий шайтан! – неожиданно сделал поворот и пошел на таран. Мы даже не сразу поняли его маневр. Первый катер он протаранил. Мы ответили гранатометом. Попали. Его баржа начала тонуть на наших глазах, а мы стали подбирать наших с воды... Проклятый туман... Он все скрыл от нас, но эта лоханка, босс, она не могла далеко уйти... Скорее всего – она уже на дне, босс.

Арапмои слушал не двигаясь, теперь его взгляд переместился за спину Хакима и был прикован к морю, к той стене тумана, что скрыла все.

- Вы видели как она затонула? – спросил Арапмои спокойно. Хаким, почувствовал, как все внутренности его внезапно сжались в один тугой комок. С трудом сглотнув, он хрипло

произнес:

- Мы видели, как она тяжело села носом и скрылась в пелене. Никакое судно с такой пробоиной не может выжить в такой шторм.

Ложь была облечена в правдоподобные детали и в нее так хотелось верить! Арапмои развернулся и пошел прочь от берега, не глядя на Хакима. Его голос, когда он заговорил был тихим и безжизненным, как этот утренний туман.

- Собери всех. Проверим каждую бухту до мыса Нун. Если он выжил, он должен быть где-то здесь. Море либо похоронило его, либо выбросило его. Но теперь... это не погоня, это... другое. Мы должны убедиться в его смерти. Чтоб никто не усомнился.

Через несколько часов поисков, были обнаружены доказательства. На песчаной косе, в пяти милях севернее выхода их бухты, нашли перевернутый и искореженный корпус первого катера. Море выплюнуло трофеи. Арапмои стоял перед обломками и его больше не обманывало больше ничто. Ни ложный доклад, ни собственная надежда.

Катер был уничтожен в честном, отчаянном бою. А баржа... баржа ушла. Она приняла удар гранаты, выстояла в шторм и скрылась. Ее капитан не просто сбежал, он принял бой, нанес потери и отступил, сохранив свое судно. Это был успех. Его успех. И провал Арапмои.

Ярость не пришла. Ее место заняла тяжелая свинцовая пустота. Он ошибся дважды. Сначала – когда послал катера в

слебую ночную погоню, поддавшись гневу, а затем — когда поверил в удобную ложь. Он недооценил противника и переоценил страх своих людей. Русский оказался не добычей, а противником. Достойным.

Арапмои сел джип и захлопнул дверь. И в тишине салона он наконец признался себе в том, чего бы не сказал бы вслух ни за что: «Ты выиграл этот раунд, капитан Дмитрий. Но наша игра не закончена. И в следующий раз не будет ни тумана, ни ошибок. Только я и ты».

А в это время, где-то за туманом, на едва державшейся на плаву барже, ее капитан, теряя сознание, сраженный болью, усталостью и видениями, оставлял судно на волю волн и безумно вращающейся стрелки компаса. Битва была приостановлена, но не окончена. Море взяло паузу.

Глава 8

8. Море ярости и тумана . Финал.

Я вел судно в полосу тумана. Катер преследовавший меня отстал, потерявшись в молочной пелене тумана. Из навигационных приборов у меня оставался только компас, только толку от него не было вовсе – я заметил, что стрелка стала вести себя как-то странно, словно кто-то специально баловался поднося магнит и поворачивая стрелку произвольно в разные стороны. Постепенно я заметил еще одну неприятность – волнение на море усилилось еще и стало практически штормовым. Я управлял судном практически на ощупь, интуитивно разворачиваясь поперек волны. Но волны поднимали судно все выше и скатываться с них приходилось все глубже. Судно сначала медленно карабкалось на вершину волны, затем тяжело переваливалось на другую сторону. В момент «перевала» корма задиралась вверх – тогда весь корпус начинал сотрясаться от вибрации передаваемой винтом. Затем следовал спуск, когда палуба в прямом смысле начинала уходить из под ног. Судно зарывалось носом в воду, с трудом выбираясь на воздух и затем всю начиналось заново. Постепенно, начинала сказываться усталость, начинали саднить раны, полученные в ночном бою. Затем пришла сильная головная боль, раскалывавшая голову буквально на части. А потом – навалилась необъяснимая слабость и апа-

тия. Я, как загипнотизированный, просто стоял, держась за руль, уже не в силах что-то предпринимать. Звуки шторма и двигателя ушли куда-то далеко, заместившись иными накладывающимися друг на друга звуками. Я постепенно впал в некий транс. Мне стало казаться, что я слышу скрип канатов и мерный плеск весел. Я чувствовал запах смолы, раскаленного камня и прелого тростника. Затем пришли галлюцинации.

Мне мерещился какой-то старый порт, но не каменный, а деревянный, у причала порта стояли странный корабли – не баржи, а ладьи с изогнутыми носами-рострами, я видел загорелых полуголых людей, таскавших тюки, я видел огни, но не электрические, а костры и факелы, чадающие черным дымом. Они причудливо выстраивались в линии как бы указывая путь или... заманивая. Я видел еще много чего – какой-то город на берегу, рыбачьи лодки вышедшие на промысел. А однажды, я чуть не столкнулся с огромным трехмачтовым парусником, появившемся неожиданно из тумана. Видение было настолько реалистичным, что мне показалось, что я расслышал ругань матросов на его борту. Последняя галлюцинация, которую я почему то запомнил было было женское лицо с чуть раскосыми глазами, обведенными сурьмой. Оно смотрело на меня из тумана, а губы шептали слова на каком-то непонятном языке. Но я отлично понял одну фразу - «прошедший сквозь Пелену». Потом видение исчезло.

Я пытался отмахнуться, крикнуть, но мое тело, совершенно зачоченев от холода и сырости, не слушалось. Время вокруг меня текло, как вода сквозь сито, унося с собой обломки минут, веков, эпох. Моя баржа стала скорлупкой, крохотной капсулой, которую выбросило из потока одного времени в завихрение другого.

Двигатель захлебнувшись, зачихал и умер окончательно. Наступила оглушительная неестественная тишина. Даже шторм стих. «Вояджер» мягко, почти невесомо, вращался в этом светящемся молоке. Силы совершенно оставили меня, мне казалось что я схожу с ума от ужасной головной боли. И только когда я сполз по штурвалу на палубу я увидел последнее – стрелка компаса бешено вращалась вокруг своей оси, как пропеллер у детской игрушки-вертолета.

Я понял что это было окончание моего последнего, «крайнего» рейса. Конец навигации.

Огромная теплая волна – не воды, а самого тумана, накрыла баржу с носа до кормы. Но удара не было. Было ощущение бесконечного падения в бездну, провала сквозь пленку реальности. Потом все остановилось.

Часть вторая. Глава 1

Часть вторая. Берег чужого мира.

Новая реальность

Сознание вернулось не резкой вспышкой, а медленным, мучительным всплытием со дна черной, безвоздушной пучины. Сначала не было ничего – ни мыслей, ни ощущений, только плотная утробная тьма. Потом пришла *боль*. Она пришла не из одной точки, а со всех сторон сразу: тупая, разлитая ломота в костях, ноющая пустота в мышцах, раскаленная игла в виске – эхо удара и дикого напряжения. Казалось все тело стало одним сплошным синяком.

Я не смог открыть глаза – веки были тяжелыми, слипшиеся. Первым вернулся слух – но не тот, что был раньше. Я стал слышать *тишину*. Глубокую, звенящую, почти осязаемую. В нее странным образом вплетались далекие звуки – полусонный крик какой-то птицы, легкий шелест волн, еще что-то такое же далекое и непонятное. Но в этих звуках не было ничего человеческого - ни голосов, ни шума техники. Эта тишина давила на перепонки сильнее любого грохота.

Потом проснулось обоняние. *Воздух*. Он был...другим. Густым, теплым, обволакивающим. Пахло морем – солью и йодом, к этому примешивался сладковатый аромат стоячей воды, ила и гниющих растений. Вместе с тем, был еще один запах, который я поначалу никак не мог идентифицировать

– это был запах близкой земли – земли никогда не знавшей асфальта и бензина.

Следом вернулось осязание – я лежал на чем-то жестком, видимо, находясь без сознания я соскользнул на палубу. В бок мне давило что-то жесткое – очевидно, железный рундук.

И только потом я смог открыть, наконец, глаза.

Первое что я увидел было солнце. Оно ярко светило, проликая лучами сквозь развороченную рубку и заливая ее светом. Небо было изумительно синим, на нем не было ни единого облака. Я лежал на спине и смотрел на небо.

И тут, как холодная волна, на меня накатило осознание. Я стал вспоминать все что со мной произошло.

Фрагменты проносились в голове, нестройные, как обломки после взрыва: последний рейс, контрабанда оружия, гибель моего помощника Хасана, бегство на «Вояджере», преследование, таран катера, разрыв гранаты на борту, шторм, затем странный туман, видения и наконец – бешено вращающаяся стрелка компаса и падение в белую пустоту и потом... темнота и...тишина. Тишина сменившая все.

Я был здесь. Я выжил. Я оторвался. Но где я?!

Мозг отупевший от боли и усталости, пытался привычно набросать план действий: Побережье Африки - здесь должны быть населенные пункты – города, порты, базы, рыбацкие деревушки – хоть что-нибудь. Нужно во что бы то ни стало, подать сигнал бедствия. Но сначала - нужно определить соб-

ственные координаты... Хотя бы приблизительно...

Я попытался встать. Тело сразу же отреагировало ломотой и слабостью — как будто меня провернули в бетономешалке. Я с трудом сел, пытаюсь справиться с головокружением. На палубе валялись несколько пластиковых бутылок с минеральной водой. Дотянувшись до одной из них я сделал несколько больших глотков. Вода, напитавшая обезвоженный организм, немного укрепила меня, головокружение чуть ослабело. Мне удалось встать и с трудом передвигая ноги, хватаясь руками за разные опоры, я вышел из рубки.

Первое, что бросилось в глаза — море. Оно было спокойным, привычным мне, но каким-то...другим. Я прищурился, вглядываясь в берег, до которого оставалось не больше двухсот метров.

«Вояджер» крепко засел на мели, увязнув в песке и иле. Корпус судна накренился, палуба перекошена, но вроде цела. Я сглотнул, пытаюсь унять тревогу. Где же я? Шторм вынес меня сюда, но куда именно?

Внезапно, я почувствовал приступ тошноты. Едва успев дойти до борта и ухватиться за леер, как меня вытошнило. Приступы повторялись один за другим, пока, наконец меня не стало рвать собственной желчью.

Наконец, справившись с приступами, я, тяжело дыша, направился обратно в рубку. За головокружением навалилась слабость, как после перенесенной высокой температуры. Достав спальный мешок, я завернулся в него и улегшись тут же,

на рундуке, я заснул. Последняя мысль, промелькнувшая у меня в мозгу была «Где же, черт возьми, я нахожусь?». А потом пришла апатия и полное безразличие ко всему.

Следующие дни мне практически не запомнились – я только спал, пил воду и снова спал, просыпался, пил воду и снова спал, каждый раз проваливаясь в небытие.

Примерно на пятый или шестой день мне стало чуть легче – настолько, что я начал передвигаться без помощи посторонних предметов. Головная боль практически прошла, головокружения прекратились и я впервые ощутил зверский аппетит. Очевидно, что я, спасаясь от погони и практически сутки простояв за штурвалом, периодически окунаясь в холодную морскую воду, на сквозняке, сильно простыл – но теперь организм пошел на поправку.

Утолив голод, имеющимися на судне припасами, первым делом, я занялся неотложными действиями – определением своего местонахождения и установления связи с цивилизованным миром.

Однако тут меня ожидало жестокое разочарование – аккумуляторы на судне оказались полностью разряжены. Двигатель не подавал признаков жизни, радиостанция видимых повреждений не имела, но работать не могла. Спутниковый телефон разбит случайной пулей. Порывшись в личных вещах я достал мобильный телефон, но и он также оказался разряжен «в ноль». Та же картина оказалась с ноутбуком, который оказался кстати - с треснувшим экраном. Продолжая

перебирать вещи я наткнулся на коробочку с часами – теми самыми, которые мне подарил Хасан, незадолго до своей гибели и которые сыграли такую важную роль в моем спасении. Между тем, я так толком и не успел рассмотреть подробно свой «подарок». Открыв коробочку и достав часы, я услышал негромкое тиканье – часы очевидны были заведены или обладали функцией автоподзавода. Стрелки исправно бежали по кругу, а календарь показал число - 15 ноября. Следовательно, со дня моего бегства от боевиков Арапмои прошла неделя. Проверив часы я надел их на руку. Так, со временем и датой, вроде, определился. Сейчас нужны координаты и связь.

Поскольку все навигаторы у меня вышли из строя, я решил обратиться к более архаичному, но тем не менее – вполне работающему способу, а именно – определению собственного положения с помощью секстанта. Такой прибор у меня имелся, хотя в своей практике пользовался я им не так уж часто.

Определив координаты и соотнеся их с картой, я с удивлением понял, что нахожусь в нескольких десятках километров от Порт-Саида – крупного города, первого пункта на Суэцком канале. По идее – здесь должно быть полно населенных пунктов, но их присутствия я что-то не заметил.

Наоборот, разглядывая берег в бинокль, я видел совершенно дикую, незаселенную местность. Вдоль берега тянулась полоса дюн, за ними — заросли кустарника, постепен-

но переходящие лес. Ни дорог, ни строений, ни даже троп. Ничего, что могло бы подсказать: здесь живут люди.

«Так, поскольку это не может быть необитаемый остров, — думал я, сжимая бинокль. — всему этому должно быть логичное объяснение. Может, меня отнесло к какому-то заповеднику? Или к отдалённому побережью?»

Я продолжил рассматривать побережье - может, здесь есть рыбацкие лодки? Сети? Дымы? Кострища? Хотя бы бутылки или консервные банки — словом все, что подтвердит - люди здесь всё же бывают. Но берег был совершенно пуст, а поверхность воды оставалась гладкой, лишь изредка вспухающей от всплесков неведомых рыб.

Однако, следовало заняться связью. Для этого требовалось зарядить аккумуляторы. На борту «Вояжера» имелся старый дизельный генератор, небольшой запас дизельного топлива. Вытащив генератор, я быстро привел его в порядок, залил топливо из канистры и через некоторое время получил возможность насладиться электрическим светом.

Немного повозившись с радиопередатчиком, мне удалось выйти в эфир. И тут случилось нечто странное – вместо привычных радиопомех, обрывков чужих передач, я услышал только ровный, так называемый «белый» шум, без признаков чьего-либо присутствия. Я слушал эфир, переходя с волны на волну, но продолжал слышать только ровное шипение. Я последовательно пытался сигнал бедствия – начиная с «Pan-Pan» и заканчивая «Mayday». Я последовательно настраивал

частоту и подавал требуемый сигнал. Я выкрикивал в эфир сигналы, координаты, название судна, сообщал о крушении – но все без толку! В ответ я слышал все тот же равнодушный «белый шум». Я несколько раз даже перебирал передатчик – хотя был уверен, что он исправен, но результат оставался таким же.

Подзаряженный мобильный телефон, тут же указал мне на отсутствие сети, предложив заново ввести все настройки. Но и это не помогло.

Ничего другого у меня не осталось – спутниковый телефон и другие навигационные приборы были безнадежно разбиты.

Безуспешно провозившись с рацией около трех часов, я оставил бессмысленные попытки. Выйдя на палубу, я принялся обдумывать свое положение.

Обстановка вырисовывалась следующая: «Вояджер» сидел на мели на расстоянии около одного кабельтова от берега. Сойти с мели в настоящем положении совершенно невозможно, связи нет, приборы неисправны, в эфире сплошной белый шум. Положение неприятное, но не критическое. В конце концов, находясь на побережье, где-то на территории Египта, между двумя крупными городами – Эль-Аришей и Порт-Саидом, можно рассчитывать на помощь береговых служб, полиции, армейских патрулей, которых обычно полно в этих местах. Следовательно, нужно принять меры для привлечения внимания, то есть подать визуальные сигналы

бедствия, видимые как с берега, так и с моря.

Приняв решение, я машинально обернулся к морю и некоторое время пристально всматривался в горизонт. Море было спокойное, небо чистое. Вроде все было привычно, но что-то было не так, словно чего-то не доставало. Некоторое время я пытался понять чего именно, пока не... *понял!*

На горизонте, в море не было ни одного корабля или даже рыбачьей лодки – вообще ничего, в небе не было ни одного самолета, вертолета – ничего летающего, и даже ни плохонького инверсионного следа – вообще ничего!!!

Сделав это странное открытие, я стал пристально всматриваться и вслушиваться и сделал еще одно открытие, ранее мной не замеченное – вокруг стояла *тишина*. Такая же тишина, какая стоит на рыбалке, на тихом озере, вдали от цивилизации. Вода в море была прозрачной до странности — я видел дно, мелкие камни, причудливые тени водорослей. Но не было никаких следов современного постиндустриального мира - нефтяных разводов, пластиковых обломков, прочего мусора от человеческой жизнедеятельности – то, что стало уже привычной картиной для всех побережий мира. Тишина была такой, что казалось – она давит на уши. Ни гула двигателей, ни отдалённых голосов, ни рева двигателей. Только шелест ветра и редкие крики птиц. Я еще раз оглядел побережье на котором все так же, не было никого.

Вдруг что-то шевельнулось в траве у кромки воды. Я замер, пригляделся. Небольшой зверь — то ли шакал, то ли

лисица — вышел на берег, уставился на меня круглыми глазами. Судя по всему, незнакомый предмет в море внес разнообразие в привычную ему картину мира, зверек не делал попытки скрыться. Он просто стоял, словно охраняя эту землю от чужаков.

Я глубоко вдохнул. Воздух пах солью, травами и чем-то ещё — древним, невыразимым. Ни запаха дыма, ни гари, ни даже отдалённого аромата пищи. Только природа, нетронутая, равнодушная.

«Ладно, — решил я, сжимая кулаки. — Будем разбираться с проблемами постепенно. Сначала — осмотреть баржу. Потом — найти возвышенность, чтобы оглядеть окрестности. Может, вдали есть поселение? Или хотя бы следы цивилизации».

Но пока что берег оставался пустым, горизонт — безмолвным, а тишина — гнетущей. И чем дольше я всматривался в этот пейзаж, тем сильнее крепла мысль: я один. Совершенно один в мире, который будто застыл за три тысячи лет до моего рождения.

Глава 2

2. Робинзон Африки

Я помотал головой, стряхивая наваждение. Все! Хватит рефлексировать – пора действовать! То, что не было людей – еще ничего не значит! Мало ли пустынных мест на африканском побережье – бандиты, вон, тоже укромные места знают. Кстати, о бандитах – мне совершенно не хотелось встретиться с ними еще раз, а между тем, основания желать нашей новой встречи у парней Арапмои имелись весьма веские. Эта мысль заставила меня скорректировать первоначальный план подачи визуальных сигналов. Пожалуй, не следовало и явно привлекать к себе внимание с моря. Да и в эфир следует выходить осторожнее – я был уверен, что Арапмои не простит мне бегства, потопленного катера и прочего и будет искать.

Таким образом, следовало вести тщательное наблюдение и за морем и за берегом и не расслабляться.

Придя к таким выводам, я справился со всеми сомнениями и начал работать. Прежде всего нужно было провести ревизию доставшегося мне имущества.

Однако, картина, представшая мне, оптимизма не внушала.

«Вояджер» сидел на мели, чуть накренившись словно раненое животное. Я медленно продвигался по мокрым доскам

палубы, приглядываясь к каждой детали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.